

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА
И ПЕРСПЕКТИВА**

№ 1 (1)

**LAW:
RETROSPECTIVE
AND PERSPECTIVE**

Уфа – 2020

12+

Научный журнал

Издается с 2020 года 4 раза в год

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Асеев Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Асмандиярова Наиля Римовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вицке Регина Эдуардовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВППК МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Исхаков Эдуард Робертович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Киселев Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нугуманов Азат Римович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

Хакимов Салават Хазибович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

**Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС 77 – 77364 от 31 декабря 2019 года.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Т. И. Матвеева, техническая верстка Т. И. Матвеева, Д. И. Шабазова

Телефон/факс: (347) 255-06-66;

e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 27.03.2020.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 10,8. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 56. Цена свободная.

LAW:

№ 1 (1) 2020

RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board:

Ascev Igor Anatolevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Asmandiyarova Naila Rimovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vitske Regina Eduardovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskhakov Eduard Robertovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kiselev Nikolay Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for legal work) – Head of the Department (the legal department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Head of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugumanov Azat Rimovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khakimov Salavat Khazibovich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Julia Harisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Office of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Mass Media Registration Certificate: PI № FS 77 – 77364 is dated December 31, 2019.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103,
the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors T. I. Matveeva, layout T. I. Matveeva, D. I. Shabazova
Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru (marked: “Law: retrospective and perspective”).
Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation.

Signed for publishing: 27.03.2020. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 10,8. Typeface Times.
Circulation: 60 copies. Order № 56. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора	8
Научные статьи и доклады	9
Теория права	
<i>Каримова Г. Ю., Каримов Р. Р.</i> Конституционные гарантии свободы деятельности общественных объединений в Республике Башкортостан: историко-правовой аспект	9
<i>Максимов К. В., Габзалилов В. Ф., Аглиуллин А. Р.</i> Некоторые аспекты противодействия незаконному обороту наркотиков на территории РСФСР в 1960-е годы	14
<i>Правкина И. Н.</i> Особенности построения партнерской модели взаимоотношений между правоохранительными органами и гражданским обществом	20
<i>Самигуллин В. К.</i> Составляющие общей теории права и государства	25
Международное право	
<i>Зайцев Н. В.</i> Полицейское государство: миф или реальность?	33
<i>Салихов Д. Р.</i> Сотрудничество государств в области борьбы с международным терроризмом	38
Публично-правовой блок	
<i>Афзалетдинова Г. Х.</i> К вопросу об особенностях совершения сбытов наркотических средств и психотропных веществ организованной группой	42
Частно-правовой блок	
<i>Пономарева Е. В., Курбанов Д. А.</i> Некоторые проблемы института судебных актов в гражданском процессе	47
Уголовно-правовой блок	
<i>Каримова Г. Ю., Голубева Э. Р.</i> Особенности предупреждения преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел	51
<i>Латыпов В. С.</i> Нужен ли понятой в современном уголовном процессе России?	56
<i>Маликов Б. З.</i> О правовой природе Постановления Государственной Думы «Об амнистии»	64
<i>Мигранов Р. Н.</i> Использование технических средств в процессе доказывания вины в совершении преступления, предусмотренного статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации	70
<i>Николаев А. С.</i> Закономерности становления антропологической школы криминологии и актуальность использования ее методик в современной науке.	76
<i>Политыко О. Е., Жижилева А. А.</i> Проблемы и перспективы совершенствования профилактической деятельности органов предварительного следствия	80
Памятка	86

CONTENTS

The opening speech of the editor-in-chief	8
Scientific articles and reports	9
Theory of Law	
<i>Karimova G. J., Karimov R. R.</i> Constitutional guarantees of freedom of activity of public associations in the Republic of Bashkortostan: historical and legal aspect	9
<i>Maksimov K. V., Gabzalilov V. F., Agliullin A. R.</i> Some aspects of counteraction against illegal drug trafficking in the territory of the RSFSR in the 1960s	14
<i>Pravkina I. N.</i> The features of building a partner model of relations between law enforcement agencies and civil society	20
<i>Samigullin V. K.</i> The components of the general theory of law and state	25
International law	
<i>Zaitsev N. V.</i> The police state: myth or reality?	33
<i>Salikhov D. R.</i> Cooperation of states in the field of the fight against international terrorism ...	38
Public-legal section	
<i>Afzaletdinova G. Kh.</i> On the issue of peculiarities of sales of narcotic drugs and psychotropic substances by an organized groupPrivate-legal section	42
Private-legal section	
<i>Ponomareva E. V., Kurbanov D. A.</i> Some problems of the institute of judicial acts in the civil process	47
Criminal-legal section	
<i>Karimova G. YU., Golubeva E. R.</i> Features of prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs agencies	51
<i>Latypov V. S.</i> Does Russia need a lawyer in the modern criminal process?	56
<i>Malikov B. Z.</i> About legal nature of the Decree of the State Duma “About Amnesty”	64
<i>Migranov R. N.</i> The use of technical means in the process of proving guilt in committing of a crime under article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation	70
<i>Nikolaev A. S.</i> Regularities of forming of the anthropological school of criminology and relevance of its methods in modern science	76
<i>Politiko O. E., Zhizhileva A. A.</i> Problems and prospects for improving of the preventive activities of preliminary investigation bodies	80
Instruction	86

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Представляем вашему вниманию первый номер научного журнала «Право: ретроспектива и перспектива». На страницах журнала будут публиковаться результаты научных исследований, отражающих наиболее важные проблемы права и государства в современном и историко-правовом ракурсе, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности Российской Федерации и зарубежных стран, тенденции развития и совершенствования высшего юридического образования в образовательных организациях МВД России, особенности интеграции юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства.

Главная цель журнала заключается в объединении различных отраслей права, отражающих современные реалии и сохраняющих исторический опыт правового наследия в масштабе не только страны, но и мирового научного сообщества.

Будем рады активному сотрудничеству со специалистами в области права из регионов России и зарубежных стран.

Наш журнал может стать серьезной стартовой площадкой для молодых ученых, опубликовавших в нем свои первые научные труды. Для них в журнале специально предусмотрена рубрика «Трибуна молодого ученого».

Надеемся, что журнал «Право: ретроспектива и перспектива» получит положительный отклик, приобретет круг постоянных авторов, интересующихся развитием юридической науки, и станет серьезным научным источником, который будет демонстрировать оригинальные новаторские мысли и глубокие исследования по решению важнейших проблем в области развития права.

Ждем вас на страницах нашего журнала!

**Главный редактор –
кандидат юридических наук
Ханахмедов Алексей Сефединович**

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 342.728(470.57)(091)

Г. Ю. КАРИМОВА, доцент кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. J. KARIMOVA, assistant professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Law Institute of the Bashkir State University, Candidate of Law (Ufa)

Р. Р. КАРИМОВ, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

R. R. KARIMOV, head of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF FREEDOM OF ACTIVITY OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Аннотация. В статье рассматривается историко-правовой аспект деятельности общественных объединений в Республике Башкортостан. Рассматриваются вопросы юридического закрепления общественных объединений в Конституции БАССР 1937 года, Конституции БАССР 1978 года, других нормативных актах советского периода. Отдельно внимание уделено современному правовому обеспечению функционирования общественных объединений в Башкортостане. Изучены основные нормативные акты в сфере регламентации общественных объединений. Приведены статистические данные о количестве общественных объединений в регионе.

Ключевые слова и словосочетания: общественные объединения, Конституция, Башкирская АССР, общественное движение, общественный фонд, государственная поддержка общественных объединений.

Annotation. The article considers the historical and legal aspects of the activities of public associations in the Republic of Bashkortostan. The article deals with the issues of legal consolidation

of public associations in the Constitution of the BASSR in 1937, the Constitution of the BASSR in 1978, and other regulatory acts of the Soviet period. Special attention is paid to modern legal support for the functioning of public associations in Bashkortostan. The article examines the basic regulatory acts in the field of regulation of public associations. Statistical data about the number of public associations in the region are given.

Keywords and phrases: public associations, the Constitution, the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, social movement, public foundation, state support of public associations.

На любом историческом периоде существования государства людям приходилось объединяться, в первую очередь, для защиты собственных интересов или для достижения каких-либо иных целей. Ярким примером таких организаций можно назвать тред-юнионы, которые создавались в Великобритании для защиты прав рабочих. Объединения людей могли носить как временный, так и постоянный характер. Ряд таких объединений носили законный характер, а другие нет. Создание и деятельность общественных объединений в государстве свидетельствует, как правило, о демократическом пути развития, а также о формировании гражданского общества. Богатый исторический опыт в этом направлении имеет Россия и ее регионы. Одним из первых обществ в Российской империи стало Вольное экономическое общество, созданное при Екатерине II, далее появляется Русское географическое общество. Говоря о дореволюционной России, следует отметить, что развитие общественных объединений всецело зависело от воли монарха и до реформ Александра II общественные объединения развивались слабо. Серьезным толчком к развитию общественных объединений стало изменение общественно-политического строя нашего государства после революции 1917 года, когда на уровне правовых документов, в первую очередь, Конституции РСФСР 1918 года было закреплено право трудящихся объединяться.

Конституция Российской Федерации в статье 30 гарантирует свободу деятельности общественных объединений. Содержание права граждан на объединение, основные государственные гарантии это-

го права, статус общественных объединений, порядок их создания, деятельности, реорганизации и (или) ликвидации регулируются Федеральным законом Российской Федерации «Об общественных объединениях» [1], Гражданским кодексом Российской Федерации и другими законами об отдельных видах общественных объединений.

Под общественным объединением понимается добровольное самоуправляемое некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Право граждан на создание общественных объединений реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица – общественные объединения. В соответствии с законодательством Российской Федерации граждане имеют право создавать по своему выбору общественные объединения без предварительного разрешения органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также право вступать в такие общественные объединения на условиях соблюдения норм их уставов.

На территории Российской Федерации могут создаваться и действовать общероссийские, межрегиональные, региональные и местные общественные объединения. Деятельность общественных объединений основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления и законности.

В Советском Союзе большое внимание уделялось развитию общественных объединений. Не была исключением и

Башкирская АССР. На территории республики осуществляли свою деятельность десятки различных общественных организаций, как правило, они были региональными отделениями всесоюзных общественных организаций. Основным фактором, влияющим на деятельность общественных объединений, в советский период являлся контроль со стороны органов государственной власти. Вместе с тем деятельность общественных организаций была законодательно оформлена.

В Конституции БАССР 1937 года вопросы деятельности общественных объединений регламентировались статьей 93. В ней говорилось, что гражданам Башкирской АССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества [2, с. 20–21].

Ряд документов, касающихся общественных организаций, был принят Верховным Советом БАССР. К ним относятся Положение «Об общественных сельских комитетах Башкирской АССР» от 7 марта 1975 года, Положение «Об уличных (квартирных) комитетах в городах, рабочих поселках и сельских поселениях БАССР» от 31 июля 1963 года и др.

Наиболее полно вопросы деятельности общественных объединений были представлены в Конституции БАССР 1978 года. В ст. 45 непосредственно закрепляется право граждан объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самостоятельности, удовлетворению их многообразных интересов. В указанной статье также регламентировано, что общественным организациям гарантируются условия для успешного выполнения ими своих уставных задач [3, с. 73]. Важно отметить, что рассматриваемая Конституция БАССР закрепила участие общественных организа-

ций в управлении государственными и общественными делами, а также в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов (ст. 7). В соответствии с Конституцией БАССР гражданам предоставляется право участвовать в управлении общественными делами. Это право обеспечивается возможностью работы в общественных организациях и органах общественной самостоятельности (ст. 42). Также каждый гражданин Башкирской АССР имеет право вносить в общественные организации предложения по улучшению их деятельности и критиковать недостатки в работе (ст. 43) [3, с. 72].

Современная нормативная база Республики Башкортостан, обеспечивающая деятельность общественных объединений, представлена различными источниками.

В числе первых необходимо отметить Конституцию Республики Башкортостан 1993 года, которая в ст. 36 обеспечивает каждого правом на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или к пребыванию в нем.

Основным нормативным правовым документом в данной сфере является Закон Республики Башкортостан от 06.03.2001 № 189-з «Об обеспечении свободы деятельности общественных объединений в Республике Башкортостан». Действие настоящего Закона распространяется на все общественные объединения, созданные по инициативе граждан, за исключением религиозных организаций, коммерческих организаций и создаваемых ими некоммерческих союзов (ассоциаций) [4]. Закон дает понятие общественного объединения, определяет учредителей, членов и участников общественного объединения, закрепляет принципы создания и деятельности общественных объединений и др. Одним из важных элементов данного Закона яв-

ляется определение целей создания и деятельности общественных объединений, среди которых обозначены благотворительность, развитие различных видов творчества, патриотизм и многие другие.

В качестве форм деятельности общественных объединений определяются: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности.

В Республике Башкортостан осуществляется планомерная работа по поддержке деятельности общественных объединений. Так, в соответствии с Законом Республики Башкортостан от 12.11.1991 № ВС-9/74 «О молодежной политике в Республике Башкортостан» органами государственной власти осуществляется государственная поддержка молодежным и детским объединениям, а также отделениям общероссийских, международных и межрегиональных молодежных и детских объединений [5].

Постановление Правительства РБ от 31.12.2009 № 510 «Об оказании государственной поддержки общественным объединениям, реализующим общественно полезные (значимые) программы (мероприятия) в сфере культуры и искусства, национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений» определяет возможность получения субсидий. Они предоставляются для обеспечения мероприятий в области культуры и искусства, национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений; социальной поддержки творческих работников, выдающихся деятелей искусства, молодых талантливых авторов и исполнителей; ремонта зданий, сооружений и помещений, принадлежащих общественным объединениям, реализующим общественно полезные программы и др. [6].

Также в соответствии с Постановлением Правительства РБ от 19.07.2010 № 280 «Об утверждении Порядка предо-

ставления субсидий общественным объединениям, реализующим общественно полезные (значимые) программы (мероприятия) в сфере социальной защиты населения, за счет средств бюджета Республики Башкортостан» общественным объединениям предоставляются субсидии в целях частичного обеспечения расходов, связанных с осуществлением деятельности, направленной на реализацию общественно полезных программ в сфере социальной защиты населения.

Указом Главы Республики Башкортостан в 2019 году создан Фонд содействия гражданскому обществу, который осуществляет поддержку некоммерческих организаций.

В республике созданы благоприятные условия для деятельности общественных объединений. Так, по данным Башстата на 1 января 2019 года число общественных объединений, зарегистрированных в Республике Башкортостан, составляет 1961 единиц, в том числе:

- общественных организаций – 975;
- общественные движения – 17;
- общественные учреждения – 8;
- профессиональные союзы – 802;
- национально-культурные автономии – 21.

В республике действует 48 региональных отделений политических партий. Также в Башкортостане действует 1497 некоммерческих общественных организаций, из них 226 являются благотворительными фондами [7].

Общественные объединения являются неотъемлемым элементом любого гражданского общества.

Гражданское общество – это сложный механизм, направленный на решение социальных, политических, экономических и иных вопросов, но представляется очевидным, что ему необходимо активизировать свои усилия по адаптации к новой реальности быстро меняющихся взаимосвязанных проблем.

За последние несколько лет нагрузка организаций гражданского общества

возросла, и с увеличением объема работы возрастает ответственность и необходимость эффективного управления.

Например, группы гражданского общества рассчитывают на реализацию целей Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития и на сотрудничество с другими общественными объединениями в целях преобразования глобального развития в течение следующего десятилетия.

Существует 17 целей, охватывающих целый ряд сложных социальных проблем, которые необходимо контролировать и решать, особенно на фоне размывания границ между гражданским обществом, правительствами и деловыми кругами.

Этот контекст резко возрастающих требований дополняется более масштабными вызовами в области безопасности, в гуманитарной сфере и в области изменения климата. Все это вынуждает сектор гражданского общества искать эффективные механизмы решения проблем путем переосмысления программ, операций, стратегий и моделей партнерства.

Институты гражданского общества должны работать более усердно, эффек-

тивно и прозрачно, и лучше контактировать с представителями власти и другими заинтересованными сторонами.

Недавние скандалы, поразившие некоторые международные НПО, а также рост числа правых популистских идей еще больше усугубляют ошибочные представления и недоверие к этому сектору и подрывают его авторитет [8].

Реалии современного общества требуют от общественных объединений таких качеств, как гибкость и адаптивность, а также возможность внедрять новые подходы и решения в области социального развития, взаимодействия с властными структурами с помощью инноваций и современных технологий.

Сегодня в Российской Федерации создана и эффективно действует система нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность общественных объединений. Большинство общественных организаций строит свою работу в соответствии с законом, а также на принципах доверия и партнерства с представителями государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 22.05.1995. № 21. Ст. 1930.
2. Конституция БАССР от 23 июня 1937 года // Сборник законов Башкирской АССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета Башкирской АССР. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1976.
3. Конституция БАССР от 30 мая 1978 г. // Конституционные акты Башкортостана. Уфа: Тау, 2003.
4. Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 2001. № 6 (126). Ст. 413.
5. О молодежной политике в Республике Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 12.11.1991 № ВС-9/74 // Законы Республики Башкортостан. 1992. Выпуск III.
6. Об оказании государственной поддержки общественным объединениям, реализующим общественно полезные (значимые) программы (мероприятия) в сфере культуры и искусства, национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений: постановление Правительства РБ от 31.12.2009 № 510 // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 20.02.2010. № 4 (322). Ст. 200.
7. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: <https://bashstat.gks.ru/> (дата обращения: 28.02.2020).

8. Who and what is “civil society”? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/04/civil-society-must-adapt-to-survive-its-greatest-challenges> (дата обращения: 28.02.2020).

© Каримова Г. Ю.

© Каримов Р. Р.

УДК 343.976(470)”1960/1969”

К. В. МАКСИМОВ, старший оперуполномоченный Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Башкортостан, доцент кафедры охраны здоровья и безопасности жизнедеятельности Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, кандидат исторических наук (г. Уфа)

K. V. MAKSIMOV, senior operative of the Drug Control Department of the Interior Ministry in the Republic of Bashkortostan, associate professor of the Chair of Health Care and Life Safety of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Candidate of Historical Sciences (Ufa)

В. Ф. ГАБЗАЛИЛОВ, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

V. F. GABZALILOV, deputy head of the Chair of Operative Detective Activity of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

А. Р. АГЛИУЛЛИН, заместитель начальника отдела Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Башкортостан (г. Уфа)

A. R. AGLIULLIN, deputy head of the Drug Control Department of the Interior Ministry in the Republic of Bashkortostan (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР В 1960-Е ГОДЫ

SOME ASPECTS OF COUNTERACTION AGAINST ILLEGAL DRUG TRAFFICKING IN THE TERRITORY OF THE RSFSR IN THE 1960S

Аннотация. Авторами в статье на основе анализа впервые вводимых в научный оборот архивных документов предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы в изучении ситуа-

ции с незаконным оборотом наркотиков в советской России. Уточняются некоторые сведения о численности состоящих на учете в органах здравоохранения РСФСР больных наркоманией, количестве совершенных наркопреступлений и лиц, осужденных за преступления связанные с незаконным оборотом наркотиков на территории РСФСР. Рассмотрены осуществленные на территории РСФСР системные законодательные и организационно-правовые меры по противодействию незаконному обороту наркотиков, в которых были задействованы правоохранительные и контролирующие органы, судейское сообщество, органы здравоохранения, общественные организации и иные субъекты профилактики и противодействия распространения наркомании на территории страны.

Ключевые слова и словосочетания: незаконный оборот наркотиков, наркомания, ядовитые вещества, сильнодействующие вещества, РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года.

Annotation. Based on the analysis of archival documents first introduced into scientific circulation, the authors attempt to fill in the gaps in t

he study of the situation with drug trafficking in soviet Russia. Some information is being clarified on the number of drug addicts registered in the RSFSR health authorities, the number of drug crimes committed and persons convicted of crimes related to drug trafficking in the territory of the RSFSR. Systemic legislative and organizational and legal measures implemented in the RSFSR to combat drug trafficking, which involved law enforcement and regulatory authorities, the judicial community, health authorities, public organizations and other actors in preventing and counteracting the spread of drug addiction in the country, are examined.

Keywords and phrases: drug trafficking, drug addiction, toxic substances, potent substances, the RSFSR, the RSFSR Criminal Code of 1960.

С проблемой наркотиков Россия столкнулась еще до революции 1917 г., когда общество не понимало всей опасности и последствий применения наркотиков. В отечественном законодательстве такие понятия, как ядовитые вещества (вещи, материалы), стали использоваться с XVIII в., сильнодействующие вещества – с XIX в., наркотические вещества (средства) и психотропные вещества – с XX в.

Наступивший вслед за Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. экономический развал в условиях Первой мировой войны, а затем и гражданской войны, ликвидация сложившихся веками органов государственной власти значительно осложнили наркообстановку. Искоренение массового распространения наркомании стало длительным процессом в Советской России. Начиная с 1930-х годов, употребление наркотиков в Советском Союзе (во всяком случае, официально) несколько снизилось [1]. Последующий официально признанный рост наркотической опасности пришелся на 1945 г. и последующие годы (вплоть до середины 1950-х гг.).

Противодействие незаконному обороту наркотиков на территории РСФСР в 1960-е годы рассматривалось как неотъемлемая часть усилий государственных органов и общественности по формированию высокой нравственности советских людей, так как распространение наркотиков напрямую было связано с посягательством на здоровье многонационального населения страны.

В 1960-е гг. руководство страны в борьбе с незаконным оборотом наркотиков помимо законодательных мер принимало и меры организационно-правового характера. Распоряжением Министерства охраны общественного порядка РСФСР от 18.01.1963 в службе уголовного розыска создаются специальные отделения в отделах по борьбе с преступлениями против жизни и здоровья граждан [2, с. 141]. Деятельность данных подразделений была непосредственно направлена на организацию и осуществление оперативных и иных мероприятий по своевременному и эффективному предупреждению и раскрытию преступных действий с наркотиками.

Об уровне распространения наркомании в 1960-е гг. свидетельствуют некоторые сведения, отраженные в специальной справке, подготовленной в 1964 г. юридической комиссией, Прокуратурой РСФСР и Верховным судом РСФСР для Совета Министров РСФСР. Так, по данным Министерства здравоохранения РСФСР, в психоневрологических учреждениях республики в возрасте старше 15 лет состояло на учете около 220 тысяч больных, страдающих алкоголизмом, и 7380 больных наркоманией. В возрасте старше 15 лет в 1963 г. вновь взято на учет с диагнозом хронического алкоголизма и алкогольного психоза более 49 тысяч больных (в 1962 г. – более 43 тысяч больных) и с диагнозом наркомания – 1456 больных (в 1962 г. – 1315 больных) [3, л. 3].

Проблема наркомании в значительной степени затронула и детско-подростковую среду: по состоянию на 1 июля 1964 г. в 32 краях, областях и автономных республиках из состоящих на учете в детских комнатах милиции подростков около 11 тысяч систематически употребляли спиртные напитки и около тысячи – наркотические вещества [3, л. 2].

Значительный вклад в противодействие незаконному обороту наркотиков внесло судебное сообщество. 14.04.1965 Президиум Верховного суда РСФСР издал специальное постановление «О работе судов РСФСР по рассмотрению дел о незаконном изготовлении и распространении наркотических веществ», а 28.01.1966 постановлением Президиума Верховного суда РСФСР и 25.02.1966 постановлением Пленума Верховного суда СССР с аналогичным названием президиумам верховных судов АССР, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и национальных округов было предложено принять меры, направленные на улучшение работы судов по рассмотрению дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 224 и 225 УК РСФСР. В большинстве верховных

судов АССР, краевых и областных судов дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 224 и 225 УК РСФСР, народными судами не рассматривались. В то же время дела этой категории в 1966 г. были рассмотрены судами Коми АССР, Северо-Осетинской, Дагестанской, Бурятской и Тувинской АССР, судами Омской, Сахалинской, Оренбургской, Камчатской, Кировской, Горьковской, Свердловской, Ярославской, Иркутской, Курской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Липецкой и Магаданской областей и судами Ставропольского, Приморского и Краснодарского краев [4, л. 2].

Всего в первом полугодии 1966 г. было осуждено 237 человек. Больше всего дел было рассмотрено народными судами г. Москвы и г. Омска: за указанный период народные суды г. Москвы осудили 21 человека, а народные суды г. Омска – 14 человек [4, л. 2]. При этом подчеркивалось, что судебные органы при избрании мер наказания учитывали как опасность совершенного преступления, так и данные о личности виновного, и к лицам, виновным в изготовлении или сбыте наркотиков, применяли строгие меры наказания.

В ряде случаев судебные органы принимали дополнительные меры по предотвращению распространения наркомании. Так, Волгоградский областной суд вынес представления руководителям тех организаций, где больше всего были выявлены факты потребления гражданами наркотиков. Народные суды г. Москвы информировали районные партийные и комсомольские органы об очагах совершения преступлений и рекомендовали проведение мероприятий по борьбе не только с распространением, но и потреблением наркотиков [4, л. 3]. В современных условиях поиска эффективных форм профилактики незаконного оборота наркотиков представляется целесообразным отметить, что в анализируемый период судебные работники проводили среди населения беседы и лекции об об-

публичной опасности распространения наркотических и других сильнодействующих или ядовитых веществ [5, л. 5].

Несмотря на принимаемые предупредительные меры, проблема наркомании постепенно усугублялась. По данным МВД СССР, на территории РСФСР в 1968 г. было зарегистрировано 282 случая изготовления или сбыта наркотических и других сильнодействующих и ядовитых веществ, а за 9 месяцев 1969 г. зарегистрировано 226 таких случаев [5, л. 1].

По данным Прокуратуры РСФСР, за 9 месяцев 1969 г. за изготовление и сбыт наркотических веществ и других сильнодействующих или ядовитых веществ по делам, оконченным производством органами предварительного следствия и дознания и направленным в суд, подлежало преданию суду 306 человек. Этими же органами освобождено от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия – 22 человека [5, л. 1].

В медицинских учреждениях республики, по данным Министерства здравоохранения РСФСР, на 01.01.1969 на учете состояло 9646 больных наркоманией, что на 1913 человек меньше, чем годом ранее [5, л. 1]. Численность наркобольных по регионам распределялась неравномерно. На 01.10.1969 на учете в МВД Северо-Осетинской автономной республики состояло 514 больных наркоманией, в том числе 197 несовершеннолетних. На стационарное лечение в этом регионе по поводу наркомании в 1968 г. поступило 11 человек, а за 9 месяцев 1969 г. – 32 человека. В Омской области на излечение в 1968 г. поступило 60 человек, в том числе 12 несовершеннолетних, а за 9 месяцев 1969 г. – 53 человека, в том числе 24 несовершеннолетних. Среди прочего подчеркивалось, что в психоневрологическом диспансере г. Омска лечились лишь лица, добровольно изъявившие желание лечиться от наркомании [5, л. 2].

Анализ материалов судебной практики свидетельствует о том, что многие осужденные за изготовление, сбыт, а также приобретение и хранение наркотиков с целью сбыта сами страдают наркоманией. Например, из 17 человек, осужденных судами Омской области за сбыт наркотиков, 14 являлись потребителями наркотиков и лишь 3 человека занимались их продажей, сами не являясь наркозависимыми.

В 1968 г. за преступления, предусмотренные статьями 224, 225 и 226 Уголовного кодекса РСФСР было осуждено 487 человек, а за 9 месяцев 1969 г. – 319 против 380 осужденных в течение соответствующего периода 1968 г. Таким образом, в январе – сентябре 1969 г. количество осужденных за названные преступления сократилось на 61 человека [5, л. 2].

Большинство привлеченных к уголовной ответственности было осуждено за изготовление, сбыт, а равно хранение или приобретение с целью сбыта наркотических веществ и других сильнодействующих или ядовитых веществ без специального на то разрешения (чч. 1 и 2 ст. 224 УК РСФСР). В 1968 г. за эти преступления осужден 431 человек, что составило 88,5 % всех осужденных по статьям 224–226 УК РСФСР. При этом за 9 месяцев 1969 г. по указанным статьям осуждено 272 человека (85,3 % всех осужденных по статьям 224–226 УК РСФСР) [5, л. 2].

О некотором улучшении наркоситуации свидетельствует тот факт, что в течение 1969 г. количество субъектов РСФСР, в которых не было осужденных за преступления, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 224 УК РСФСР, увеличилось с 34 до 45. В 25 регионах число осужденных сократилось, особенно в Краснодарском и Красноярском краях, Московской, Кировской, Куйбышевской, Ростовской, Саратовской, Сахалинской и Свердловской областях [5, л. 2].

Значительное число лиц по чч. 1 и 2 ст. 224 УК РСФСР в 1968 г. и в ян-

варе–сентябре 1969 г. было осуждено в г. Москве (1968 г. – 92 человек, за 9 месяцев 1969 г. – 115 человек), в г. Ленинграде (соответственно 16 и 13 человек), в Северо-Осетинской АССР (5 и 21 человек), в Сахалинской (41 и 4 человека), Куйбышевской (21 и 10 человек), Новосибирской (15 и 14 человек) областях. В 13 регионах, в том числе в Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, г. Москве, Астраханской, Оренбургской, Пермской и Ярославской областях, за 9 месяцев 1969 г., по сравнению с соответствующим периодом 1968 г., имело место увеличение числа осужденных за наркопреступления указанной категории [5, л. 3].

За преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 224 УК РСФСР, осуждено незначительное количество лиц: 4 – в 1968 г. и 8 – в 1969 г. По ст. 225 УК РСФСР в 1968 г. осуждено 10 человек, а в 1969 г. осужденных по данной статье не было. Число осужденных за преступления, предусмотренные ст. 226 УК РСФСР, за 9 месяцев 1969 г. увеличилось с 33 до 39 лиц [5, л. 3].

Доля молодых людей в возрасте до 24 лет среди осужденных за совершение наркопреступлений (по ст. 224 и ст. 225 УК РСФСР) возросла с 40 % в 1968 г. до 61 % в первом полугодии 1969 г. Треть (31,2 %) осужденных наркопреступников ранее уже имели судимость за другие преступления (хищение социалистической собственности, кража личного имущества граждан, хулиганство и др.). При этом в Северо-Осетинской АССР данный показатель составлял 40 %, в Кабардино-Балкарской АССР – 50 % [5, л. 3–4].

В целом, по делам о наркопреступлениях суды стали назначать более строгие меры наказания. Если в 1967 г. к лишению свободы было приговорено 83,8 % осужденных по статьям 224 и 225 УК РСФСР, в 1968 г. – 84,5 %, то в 1 полугодии 1969 г. – уже более 90 % [5, л. 5]. Например, четырежды судимый за опасные преступления Михайлиди

после освобождения из мест заключения систематически по сговору с другими лицами выезжал в Дагестанскую АССР, где приобретал большие объемы наркотических средств, привозил их в г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР и перепродавал наркозависимым. 13.05.1969 Михайлиди народным судом Промышленного района г. Орджоникидзе приговорен по ч. 1 ст. 224 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы [5, л. 8].

Правоохранительные органы уже в то время фиксировали наличие налаженных каналов поставки наркотиков на территорию РСФСР. Так, в секретном сообщении Министерства охраны общественного порядка (так именовалось в то время МВД РСФСР) от 08.05.1964, адресованном Бюро ЦК КПСС по РСФСР, отмечалось, что «за последнее время на территории Российской Федерации получило распространение употребление наркотических веществ, особенно гашиша, завозимого в РСФСР из Казахстана и республик Средней Азии» [6]. Отмечалось, что нелегальные поставки в РСФСР гашиша приобрели значительные размеры. В 1963 г. только в Омской области 62 поставщика и сбытчика гашиша, арестованные органами охраны общественного порядка, в течение двух лет сбыли наркозависимым лицам 800 кг гашиша, вывезенного из указанных республик. Значительный спрос на данный наркотик объясняется тем, что он относительно прост в употреблении и применяется путем обычного курения вместе с табаком без каких-либо специальных приспособлений. Поставщики доставляли гашиш в специально оборудованных тайниках (чемоданах с двойным дном, банках с консервированными фруктами или вареньем, в резиновых мячах, дынях и арбузах) и сбывали гашиш спекулянтам по 200–300 рублей за килограмм. В свою очередь, за одну дозу гашиша весом до 1 г наркопотребители платили спекулянтам от 50 копеек до 1 рубля. Так, арестованный в г. Омске крупный сбытчик

Шнайдерович на продаже данного наркотика нажил более 50 тыс. рублей [6].

В некоторых южных районах РСФСР, например в Северо-Осетинской АССР, для изготовления наркотического средства «анаша» использовалась местная, так называемая Южно-Архонская, конопля, по своим свойствам близкая к индийской. В 1968 г. и в течение 1969 г. за изготовление «анашей» из этой конопли судами Северо-Осетинской АССР было осуждено 16 человек [5, л. 4].

В документах того времени упоминалось, что в Башкирии, Чечено-Ингушетии, Удмуртии, Омской, Куйбышевской, Саратовской, Оренбургской областях и Москве имели место факты краж рецептов, хищения наркотиков из аптек, больниц, поликлиник, складов и других мест хранения медикаментов [6].

Тем не менее, в указанный период мощным сдерживающим фактором для распространения наркомании служил так называемый «железный занавес», коммунистический уклад жизни и идеологический настрой общества.

Таким образом, в период 1960-х годов на территории РСФСР принимались системные законодательные и организационно-правовые меры по противодействию незаконному обороту наркотиков, в которых были задействованы правоохранительные и контролирующие органы, судебское сообщество, органы здравоохранения, общественные организации и иные субъекты профилактики. В результате наркоситуация оставалась под контролем и принципиально не влияла на обеспечение государственной безопасности. Распространение наркомании как социальной болезни было на время приостановлено, в конце 1960-х гг. отмечалось снижение количества состоящих на учете в органах здравоохранения РСФСР больных наркоманией (с 11559 человек на начало 1968 г. до 9646 человека на начало 1969 г.) и числа осужденных наркопреступников (с 380 человек в январе–сентябре 1968 г. до 319 человек в январе–сентябре 1969 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Р. А. Становление и развитие уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотиков в СССР в 20 – 30-е годы XX века // История государства и права. 2007. № 6.
2. Бабай А. Н. Борьба с наркопреступностью и наркоманией на Дальнем Востоке России (середина XIX – начало XXI века). Хабаровск, 2011. 350 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. А-428. Оп. 3. Д. 441.
4. ГА РФ. Ф. А-428. Оп. 3. Д. 500.
5. ГА РФ. Ф. А-428. Оп. 3. Д. 561.
6. Богомолов А. Наркобароны появились еще при Хрущеве // Комсомольская правда. 2013. № 18 (26028). 8 февраля.

© Максимов К. В.
© Габзалилов В. Ф.
© Аглиуллин А. Р.

УДК 351.74.072:316.3(470)

И. Н. ПРАВКИНА, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук (г. Москва)

I. N. PRAVKINA, assistant professor of
the Chair of State and Legal Disciplines
of Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Candidate of Law (Moscow)

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПАРТНЕРСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

THE FEATURES OF BUILDING A PARTNER MODEL OF RELATIONS BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND CIVIL SOCIETY

Аннотация. В статье рассматриваются особенности выстраивания партнерской модели взаимоотношений правоохранительных органов и гражданского общества. Особое внимание уделяется определению правовых и неправовых форм обеспечения взаимодействия гражданского общества и правоохранительных органов. Определяется, что совершенствование организационных форм взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества выступает в качестве основополагающего стратегического направления правоохранительной политики, осуществляемой компетентными органами. Особое внимание при этом уделяется рассмотрению комплекса мероприятий, осуществление которого обуславливает эффективное развитие партнерской модели взаимоотношений правоохранительных органов и гражданского общества, а также базовым концептуальным идеям, определяющим характер такого взаимодействия.

Ключевые слова и словосочетания: взаимодействие, правоохранительные органы, гражданское общество, права и свободы человека, доверие.

Annotation. The article discusses the features of building a partner model of relations between law enforcement agencies and civil society. Special attention is paid to the definition of legal and non-legal forms of interaction between civil society and law enforcement agencies. It is determined that the improvement of organizational forms of interaction between law enforcement agencies and civil society is a fundamental strategic direction of law enforcement policy implemented by the competent authorities. At the same time, special attention is paid to the consideration of a set of measures, the implementation of which determines the effective development of the partner model of relations between law enforcement agencies and civil society, as well as the basic conceptual ideas that determine the nature of such interaction.

Keywords and phrases: interaction, law enforcement agencies, civil society, human rights and freedoms, trust.

В целях обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и безопасности, а также повышения эффективности охра-

нительной функции права в современном российском государстве функционирует специализированная система правоохранительных органов. Следует

отметить, что достижение желаемого состояния правопорядка, а также решение задач, связанных с реализацией правоохранительными органами функции по обеспечению безопасности, законности, правопорядка и борьбе с преступностью, оказывается невозможным вне построения конструктивной модели партнерских взаимоотношений между правоохранительными органами и институтами гражданского общества.

Анализ современной монографической литературы позволяет обнаружить ряд принципиально важных моментов, которые оказываются чрезвычайно значимыми при осуществлении взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества. Так, характер диалогичности взаимоотношений правоохранительных органов и гражданского общества обусловлен природой данных институциональных образований.

Правоохранительные органы являются органичной частью институциональной подсистемы правоохранительной системы, которая по своей природе носит публично-политический характер. В решении вопроса о понимании гражданского общества в силу разнообразия методологических подходов к его интерпретации нет единственного подхода. С одной стороны, гражданское общество представляет собой любое общество, состоящее из граждан государства. С другой стороны, гражданским можно назвать лишь такое общество, которое наделено определенной совокупностью признаков, придающих ему новое качественное своеобразие. Оно проявляется, во-первых, в самоорганизации и саморегуляции общества, а, во-вторых, в возможности быть независимым от государства и выступать конструктивной оппозицией по отношению к нему. Таким образом, гражданское общество представляет собой «многомерную, самоорганизующуюся систему естественно складывающихся социальных отношений» [5, с. 123] и по своей природе является

сферой проявления частноправовых интересов.

Однако, несмотря на нетождественность, а порой и противоречивость интересов данных институциональных образований, в условиях демократизации политико-правовой жизни общества как государство, так и гражданское общество заинтересованы в оптимальном функционировании общественного и государственного строя, в связи с чем для современного российского государства особую актуальность представляет поиск оптимальных форм взаимодействия с гражданским обществом, прежде всего, в сфере правоохранительной деятельности.

Следует отметить, что такое взаимодействие является одним из важных условий эффективного выполнения правоохранительными органами своих задач, а также придания деятельности правоохранительных органов легитимности.

Так, вопросы взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом нашли свое отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность таких органов. Например, в соответствии со ст. 10 Федерального закона Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» при осуществлении своей деятельности полиция «взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами» [1].

Порядок организации эффективного взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации, поддержания связей с общественными объединениями при реализации установленных полномочий по обеспечению исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве и повышению доверия граждан к Следственному Комитету России утвержден Указом Президента РФ от 14.01.2011 № 38

(ред. от 02.09.2019) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации»), а также Приказом Следственного комитета Российской Федерации от 13.05.2019 № 56 «Об утверждении Инструкции об организации взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации, сайтами в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не являющимися средствами массовой информации, а также с социальными сетями» [2] и др.

Обеспечение эффективного взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии с институтами гражданского общества по вопросам антикоррупционной деятельности, в том числе с общественными объединениями, уставной задачей которых является участие в противодействии коррупции, является одним из приоритетных направлений деятельности службы в рамках реализации плана мероприятий по противодействию коррупции [3].

Таким образом, нормативное закрепление взаимодействия и координации правоохранительных органов и гражданского общества в сфере осуществления правоохранительной деятельности указывают на то, что специально уполномоченным органам вне связи с гражданским обществом объективно сложно выполнять свои функции в данной сфере. В связи с чем становится очевидно, что только комплексная, скоординированная деятельность правоохранительных органов и гражданского общества по охране прав и свобод человека, обеспечению правопорядка, законности, общественной безопасности, борьбе с преступностью и иными правонарушениями позволит повысить эффективность правоохранительной деятельности, а также оказать существенное влияние на развитие и совершенствование правоохранительной системы в целом.

Следует отметить, что гражданское общество, в первую очередь, заинтересовано в обеспечении состояния защищенности жизненно важных интересов, а также благоприятной и безопасной среде. В этой связи выстраивание конструктивных взаимоотношений между правоохранительными органами и гражданским обществом требует не только правового оформления, но и совершенствования организационных форм такого взаимодействия. В силу этого совершенствование организационных форм взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества является основным стратегическим направлением правоохранительной политики, осуществляемой уполномоченными и заинтересованными субъектами.

Тактически реализация данного стратегического направления неразрывно связана с осуществлением комплекса следующих мероприятий.

Во-первых, совместное участие правоохранительных органов и гражданского общества в формировании единого социокультурного пространства, отражающего такие конвенциональные ценности, как гуманизм, справедливость, уважение к правоохранительным органам и гражданскому обществу, а также сочетание общесоциальных и индивидуальных потребностей.

Во-вторых, проведение совместных мероприятий по правовому информированию и правовой пропаганде среди широких слоев населения, способствующих повышению уровня правовой культуры и снижению уровня правового нигилизма. Данный комплекс мероприятий может предусматривать, например, проведение регулярных встреч сотрудников правоохранительных органов с населением, организацию онлайн-конференций по наиболее значимым вопросам, а также формирование экспертных советов по основным направлениям деятельности правоохранительных органов, в которых особое внимание уделяется правовым

взглядам ученых-юристов, а также ветеранам правоохранительных органов и др.

В-третьих, создание благоприятных условий для повышения правовой активности граждан и возможности потенциально воспользоваться любым предоставляемым государством правом. Эффективная реализации данного плана действий предусматривает передачу избыточных или несвойственных функций и полномочий правоохранительных органов на уровень муниципальных образований или общественных организаций, а также создание эффективного механизма контроля за деятельностью правоохранительных органов со стороны гражданского общества.

В-четвертых, укрепление доверия граждан к деятельности правоохранительных органов. Данное направление предполагает, прежде всего, возможность получения открытой информации о сущности и характере осуществления правоохранительными органами своей деятельности, содействие правоохранительным органам в противодействии противоправной деятельности, а также проведение профилактических работ с гражданами, склонными к совершению правонарушений. Также стоит отметить необходимость нивелирования коррупционных проявлений в сфере правоохраны и снижения административных барьеров.

Следует отметить, что процесс построения партнерской модели взаимоотношений между правоохранительными органами и гражданским обществом базируется на основополагающих началах, организационных принципах, которые отражают природу, сущность и стратегический ориентир такого взаимодействия. Так, к числу основных базовых принципов следует отнести: уважение прав и свобод человека и гражданина, законность, открытость, публичность, гуманизм, системность, беспристрастность, общественное доверие и поддержку граждан, использование новейших технологий и достижений науки. Перечень

перечисленных принципов не является исчерпывающим или неизменным по своему содержательному наполнению, что обусловлено развитием и усложнением форм общественной жизни. При этом важно подчеркнуть, что принципы выражают определенный уровень правосознания и правовой культуры, внутреннюю убежденность субъектов, задействованных в данном процессе [6, с. 134]. Однако каждый из них лежит в основе построения модели социального партнерства и отражает существующий механизм взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества.

Отметим, что в современных условиях выстраивание партнерской модели отношений правоохранительных органов и гражданского общества сопровождается рядом явлений проблемного характера. Так, к числу подобных проблем можно отнести следующие:

- 1) отсутствие четких законодательных механизмов взаимодействия представителей гражданского общества и правоохранительных органов;
- 2) недостаточно высокий уровень правовой активности граждан;
- 3) низкий уровень правовой культуры населения;
- 4) повышенные требования гражданского общества к представителям правоохранительных органов;
- 5) профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов;
- 6) не всегда высокий уровень доверия гражданского общества к деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Несмотря на существующие проблемы в организации и осуществлении взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества, тем не менее, государство и общество заинтересовано в координации усилий по осуществлению важнейших направлений правовой политики в сфере правоохранительной деятельности.

В условиях политических, правовых и социально-экономических преобразований все более очевидным становятся пределы вмешательства и расширения экспансии государства в сфере самоорганизации и саморегуляции гражданского общества. Стоит отметить, что возникновение и развитие гражданского общества на современном этапе исторического развития является результатом повышения значимости локализованных форм общественной жизни, а не руководящего указания органов государственной власти. В силу этого становится очевидным совпадение приоритетов, целей и задач как правоохранных органов, так и гражданского общества в повышении эффективности функционирования правоохранительной системы, осуществлении правоохранительной деятельности, достижении конструктивных результатов в обеспечении правопорядка, безопасности, законности, а также осуществлении борьбы с преступностью.

Принимая во внимание изложенное, можно определить базовые концептуальные идеи, определяющие характер взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества.

Во-первых, и гражданское общество, и органы правоохраны выступают в роли сложных системных образований, обладающих достаточно высокой организацией, гибкостью, разветвленной внутренней структурой со множеством блоков, подсистем, компонентов и системообразующих связей. Это, с одной стороны, усложняет сам процесс взаимодействия, но, с другой стороны, схо-

жие характеристики способствуют более эффективной организации совместной деятельности [4].

Во-вторых, сотрудничество представителей гражданского общества и правоохранительных органов – это всегда двухсторонний процесс взаимовлияния и взаимопреобразования. Принято считать, что в процессе взаимодействия только гражданское общество способно как-то влиять, ограничивать или контролировать, однако в действительности рассматриваемое взаимодействие является гораздо более сложным и по содержанию, и по формам.

В-третьих, развитие системы сотрудничества между гражданским обществом и правоохранительными органами способствует повышению активности со стороны граждан, развитию у них чувства социально-правовой ответственности за происходящее вокруг.

В-четвертых, взаимодействие правоохранительных органов и гражданского общества, как правило, носит неформальный характер, а эффективность такого взаимодействия обеспечивается характером и степенью участия заинтересованных лиц в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, борьбе с преступностью, а также осуществлении превентивных мероприятий.

В-пятых, взаимодействие гражданского общества с правоохранительными органами осуществляется по принципу обратной связи. Результатом такого взаимодействия является усиление тенденции самоорганизации и саморегуляции гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38 (ред. от 02.09.2019) (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации») // Российская газета. 2011. № 6. 17 января.

3. План Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по противодействию коррупции на 2018–2020 годы (утв. Росгвардией). URL: <http://rosgvard.ru> (дата обращения: 18.02.2020).

4. Правкин И. В. Особенности взаимодействия правоохранительной системы и институтов гражданского общества в Российской Федерации // В сб.: Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества. М., 2016. С. 107–116.

5. Малахов В. П., Клименко А. И. Актуальные проблемы правовой теории государства. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 183 с.

6. Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества : монография. / под ред. А. Г. Мамонтова, А. И. Клименко, А. Ю. Гарашко. М.: Изд-во «Граница», 2018. 190 с.

© Правкина И. Н.

УДК 340.1

В. К. САМИГУЛЛИН, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

V. K. SAMIGULLIN, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor of law (Ufa)

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THE COMPONENTS OF THE GENERAL THEORY OF LAW AND STATE

Аннотация. В статье в порядке постановки вопроса рассматривается вопрос о структуре современной общей теории права и государства. В гипотетическом плане поднимается вопрос о необходимости и возможности выделения в составе этой науки третьего объекта – правосознания. Отмечается, что, несмотря на структурную сложность, общая теория права и государства в целом монистична. Все ее структурные образования развиваются, подчиняясь, в частности, закону единства, различия и взаимодействия. Особое внимание уделено технике юриспруденции. Общая теория права и государства – развивающаяся наука. Если не нарушен баланс между теоретическим, научным, практическим и прагматическими подходами, то и в современных условиях она сохраняет свои возможности для лучшего освоения правосферы и сопряженных с ней явлений. Общей теории права и государства как науке, кроме многих других функций, свойственна прогностическая функция. Реализуя ее, она способна определять перспективные направления развития не только самой науки, но и всей теоретической и практической юриспруденции. В этом проявляются такие качества общей теории, как теоретичность и практичность, взятые в единстве.

Ключевые слова и словосочетания: юриспруденция, общая теория права и государства, составляющие, уровни, развитие, перспектива.

Annotation. The article deals with the structure of the modern General theory of law and the state. In hypothetical terms, the question is raised about the necessity and possibility of allocating a third object in this science – legal awareness. It is noted that, despite the structural complexity, the general theory of law and the state as a whole is monistic. All its structural formations are developed,

in particular, according to the law of unity, difference, and interaction. Special attention is paid to the technique of law. The General theory of law and the state is a developing science. If the balance between theoretical, scientific and practical, pragmatic approaches is not violated, then in modern conditions it retains its opportunities for better development of the legal sphere and related phenomena. The General theory of law and the state as a science, in addition to many other functions, has a predictive function. By implementing it, it is able to determine promising directions for the development of not only the science itself, but also the entire theoretical and practical jurisprudence. Such qualities of the General theory as theoretical and practical, taken in unity, are manifested in it.

Keywords and phrases: *jurisprudence, General theory of law and the state, components, levels, development, perspective.*

Случилось так, что из всей совокупности знаний о природе, человеке и обществе в самостоятельную область знаний выделилась юриспруденция/правоведение¹. Эта область знаний, развиваясь, все более усложнялась. И в настоящее время она представляет собой сложное структурное образование. Сегодня в ней достаточно выразительно проявляют себя четыре начала: специально-юридическое, философское, социологическое, историческое. Каждое из них по-своему влияет на развитие юриспруденции.

В юриспруденции можно усмотреть и экономическую составляющую. И она, по мере развития рыночных отношений, все более активно проявляет себя. Так, отдельными авторами развивается идея о возможности и необходимости формирования особой области знаний в юриспруденции – экономического права. На наш взгляд, определенный конструктив в этом есть. Но чрезмерное увлечение учеными-юристами экономическими вопросами – это своеобразный экономизм в юриспруденции, который не только обогащает юриспруденцию новыми знаниями, но и таит для нее опасность. В том смысле, что те экономические построения, которые сориентированы в основном на извлечение во что бы то ни стало прибыли, увеличение дохода, подрывают главные устои права и государства – свободу, сопряженную с ответственностью, равенство, справедливость, мерность в праве и в правовом регулировании об-

щественных отношений; отчуждают население от гуманистических и демократических ценностей – солидаризма, взаимовыручки и взаимопомощи, установления гармонических отношений между интересами личности и их ассоциаций.

Юриспруденция теснейше связана с политологией. Особенно в части теории государства. В этой связи можно говорить еще и о политологической составляющей юриспруденции. Но сегодня политологи стремятся развивать политологию, все более обособляя ее от юриспруденции. Правильная постановка энциклопедического дела в юриспруденции ведет к развитию юридической энциклопедии/энциклопедии права.

При всем этом главным звеном юриспруденции, определяющим ее сущность, содержание, характер, лицо, «визитную карточку», все же является ее специально-юридическая составляющая.

В этом отношении юриспруденция – система специально-юридических знаний, в пределах которой, используя правовые и иные средства, осуществляется освоение правосферы. Основное назначение специально-юридической составляющей юриспруденции – лучшее познание правосферы в интересах развития социума и ее правовой системы, взятых в национальном и глобальном измерениях, в направлении удовлетворения важнейших потребностей и интересов человека в постоянно изменяющемся мире.

1. Оба понятия – юриспруденция и правоведение – сложились исторически. И если отвлечься от некоторых языковых, словесных тонкостей, могут рассматриваться как синонимы, взаимозаменяемые термины.

Знания, образующие специально-юридический аспект юриспруденции, по мере накопления и усвоения, дифференцируются и интегрируются.

Заметим, в установлении того, как «дифференциация» и «интеграция» проявляют себя в развитии и действии российской системы права, значительный интерес представляет монография Дмитрия Евгеньевича Петрова [1]. Он справедливо отмечает, что «... категориям «дифференциация» и «интеграция» в методологии науки отводится особое место в общетеоретическом описании системы современного общества», что «дифференциация и интеграция в системе права представляют собой одновременно тенденции, процессы и закономерности ее развития», что «... в результате корреляционного воздействия дифференциации и интеграции развивается структура права. Происходит согласование правового материала, придание ему определенной формы, не просто суммирование элементов (правовых норм), а объединение их в некую согласованную правовую общность на основе их свойств и с образованием новых внутренних системных связей» [1, с. 97, 105, 118–119].

В результате дифференциации специально-юридических знаний сформировались своеобразные комплексы правовых наук: науки государственно-правового, гражданского (гражданско-правового), уголовно-правового (криминалистического), процедурно-процессуального, международно-правового циклов. Интеграция же специально-юридических знаний, которая представляет собой встречный дифференциации процесс, привела к формированию общетеоретических дисциплин, среди которых флагманом является общая теория права и государства (общая теория государства и права). В каждой юридической науке присутствуют теоретический и практический уровни, отражающие теоретико-прикладную направленность юриспруденции в целом. Но в общей теории права и государства они – и теоре-

тический, и практический уровни – представлены наиболее полно. Общая теория права и государства – это качественно новый уровень в развитии теоретико-познавательной и практико-прикладной характеристик юриспруденции.

Обычно в качестве объекта общей теории права и государства рассматривают право и государство как два уникальных социальных феномена. Это справедливо. Но сегодня социальная ситуация в правовой сфере и уровень развития общественного сознания таковы, что имеются все основания рассматривать в качестве объекта общей теории права и государства еще и правосознание. Следовательно, хотя флагман всей теоретической и практической юриспруденции и называется общей теорией права и государства, объектами ее познания являются не два, а три объекта: правосознание, право и государство. Следовательно, по объектному признаку в рамках общей теории права и государства могут развиваться: а) общая теория правосознания; б) общая теория права; в) общая теория государства.

Предмет общей теории права и государства – правовая сфера, т. е. вся социально-правовая реальность, особая область действительности в социальном развитии. В зависимости от глубины её теоретико-познавательного и практико-прикладного освоения уместно различать вопросы, относящиеся к: а) закономерностям и тенденциям развития правосознания, права и государства (государственности); б) сущности, содержанию, функциям, структуре этих социальных феноменов; в) практике государственного строительства и правового регулирования общественных отношений. Несмотря на структурную сложность, общая теория права и государства в целом монистична. Все ее структурные образования развиваются, подчиняясь, в частности, закону единства, различия и взаимодействия.

Особое место в общей теории права и государства занимает теория права. Во-

прос о ее статусе является дискуссионным. Некоторые сторонники концепции о необходимости замены общей теории права и государства теорией правового государства вообще не находят смысла. Между тем без теории права теория правового государства обречена, так как вне правовой основы, развивающейся в соответствии с определенными теоретико-правовыми построениями, ни одно государство не может рассматриваться в качестве правового.

Кроме многих составляющих теории права, в ней, с точки зрения ее теоретико-прикладного назначения, можно выделить следующие компоненты: а) часть, изучающую наиболее общие закономерности развития права и правового регулирования; б) часть, относящуюся к догме права; в) часть, относящуюся к технике юриспруденции. В философской литературе справедливо отмечается, что понятие техники изменяло свое содержание, появилось множество определений, отражающих тот или иной аспект этого понятия. Вот некоторые из них. Техника – это:

- ремесло, искусство, мастерство (от греч. *τεχνική*);
- совокупность приемов и правил выполнения чего-либо;
- деятельность, которая ведет к переменам в материальном мире;
- система орудий и машин;
- средство труда в широком смысле (условия, необходимые для процесса производства);
- система действий как процесс осуществления самого себя;
- совокупность материальных объектов, производимых обществом;
- совокупность материальных средств целесообразной деятельности людей;
- система искусственных органов деятельности человека;
- собрание механических роботов для выполнения нужной человечеству работы [2, с. 201 – 202].

Обращает на себя внимание следующее. Какой бы аспект техники не был

взят, техника оказывается связанной с человеческой деятельностью. Техника не рождается естественным путем. Она – порождение интеллектуальной деятельности человека, свидетельство степени уровня развития человеческого ума, показатель степени его изобретательности, ремесленного мастерства, проявление его нравственных качеств. Вместе с тем многое в технике заимствовано у природы. Техника как бы копирует природу, даже самого человека. Словом, техника – это, с одной стороны, объективированная субъективность, а с другой – субъективированная объективность.

Динамичное развитие науки и техники (технологий) в последние два-три столетия привели к тому, что в мире сложились три природы. Первая – это естественная среда, то есть собственно природа, природа как таковая. Вторая – искусственная среда, иначе – культура. Третья – виртуальный мир. Это совершенно новая среда обитания человека, которая вовлекает в себя все большее количество людей.

Взаимоотношения между этими природами, каждая из которых – особый мир, непростые, и они все более усложняются. Инновационная деятельность в области науки и техники, которой увлечены многие и которая стимулируется и властью, и частными структурами, вроде бы хорошо. Но еще в XX веке высказывались суждения, что не всё, что технически возможно, следует стремиться осуществить немедленно; что бесконтрольное развитие техники угрожает природе, человеку, обществу. Совершенно очевидно, что техника – средство достижения человеком определенных целей. Она (техника) – проявление человеческого разума. И если развивать ее по-умному, стремясь улучшить условия жизни человека, преобразуя окружающую среду, рационализируя те или иные актуальные для него направления, формы своей деятельности, то она (техника) может обернуться другой своей стороной, той, что

обеспечивает добро и справедливость, благо, счастье.

В современных условиях в социальном развитии достаточно выразительно проявляют себя две тенденции. Наблюдается, с одной стороны, технизация гуманитарной сферы, а с другой – гуманизация техники. Техника юриспруденции – та сторона права, тот аспект механизма правового регулирования общественных отношений, те его инструментальные составляющие [3, 4], в которых наиболее полно проявляется практическая направленность общей теории права, его гуманистическое содержание и историческое предназначение.

Укажем на основные виды техники юриспруденции. К ним относятся: юридическая техника, техника правовых документов, техника юридической науки.

Юридическая техника. Концепции юридической техники сложились не только за рубежом, но и у нас в России. И что из этого? А то, что полной ясности в том, что есть юридическая техника, в ученом мире юристов нет до сих пор. Получается, в этом вопросе в отечественной юридической науке сложилась ситуация, которую с некоторой долей условности можно обозначить как неопределенность. Как в вопросе о понятии юридической техники из неопределенности перейти к определенности?

Чтобы точнее определиться в понятии «юридическая техника», важно рассмотреть вопрос, отделив в нем бесспорное от спорного. Что бесспорно в характеристике юридической техники? Прежде всего, бесспорно то, что юридическая техника – область мыслительной деятельности. Следовательно, она

должна развиваться, подчиняясь законам логики.

Юридическая техника напоминает техническую логику – специфическое направление в математической логике, которое исследует непосредственное рабочее применение логики для анализа и синтеза различных технических систем, устройств, машин, особенно автоматических, ЭВМ. В основе этой логики – алгебра Буля, булева логика².

Здесь ключевая роль отводится логическим исчислениям. Действует принцип: 0 – 1, «да – нет», «истина – ложь». Истинному высказыванию соответствует событие (факт), а ложному высказыванию – событие (факт), которое не имеет места, не происходит.

Но юридическая техника не сводится к технической логике. Юридическая техника сложнее, потому что область ее применения обширнее. Юридическая техника может использоваться в отношениях как в публичной сфере (государственной, муниципальной и др.), так и в частной сфере. Юридическая техника оперирует, прибегая тоже к логическим терминам и исчислениям. Но они находят языковое воплощение, теснейше связанное с чрезвычайно многообразными реальными общественными отношениями. Уход в виртуальный мир, виртуальную среду, увлекаясь неумеренно идеальной стороной юридической техники, представляет опасность для права и правового регулирования. В этом случае происходит отчуждение населения, занятого решением жизненных задач в реальном секторе социума, от права, облеченного в форму закона и основанного на нем нормативного регулирования³.

2. Создатель Джордж Буль (1815 – 1864) – ирландский логик и математик. Автор работ «The Mathematical Analysis of Logic» (1847), «An investigation of the Mathematical Theories of Logic and Probabilities» (1854).

3. А. Ф. Черданцев пишет, что в процессе правового регулирования, как и в процессе познания, происходит «удвоение мира». Создается своеобразный «юридический мир» в виде идеальных объектов (нормы права, права и обязанности, индивидуальные решения, соглашения, юридические факты как знания и т. д.), облеченных в языковых высказываниях в форму юридических документов. В этом «юридическом мире» своеобразно отражается мир реальной действительности. Он задается вопросом, из чего же складывается законченное уголовное или гражданское дело, находящееся на столе прокурора, который должен принять

Вместе с тем повышается роль обычаев, деловых обыкновений. Бесспорно и то, что важнейшие операционные стороны юридической техники в интересах их рационализации (экономичности, грамотного исполнения) нуждаются в том, чтобы быть закрепленными в определенных правилах. Следовательно, юридическая техника – это правила.

Правила юридической техники разнообразны и, образуя отдельный сегмент отраслей, институтов права, включают в себя определенные правила, реализуемые соответствующими субъектами права в практической деятельности в соответствующих областях правосферы.

Юридическая техника – не самоцель. Она есть средство, используемое для достижения известной цели, получения определенного результата. Цель юридической техники и ее результат могут не совпадать ни количественно, ни качественно. Но то, что между целью и средством в области юридической техники должно быть соответствие – это бесспорно.

Результат – разнообразные документы, образующиеся в процессе осуществления права, в практике правотворчества и правореализации, правоприменительной деятельности, нормативного и индивидуально-правового регулирования.

Криминалисты ведут речь о криминалистической технике. Под ней ими обычно понимаются технико-криминалистические средства (аппаратура, инструменты, приспособления, слепочная масса и другие материалы); методы и методики, применяемые в целях обнаружения, фиксации и исследования носителей и источников информации, полу-

чения и использования этой информации в уголовном процессе. Развивается ими также и учение о криминалистической тактике.

Конечно же, было бы неправильно сводить всю юридическую технику к криминалистической технике в понимании криминалистов. Но то, что в современных условиях, в условиях бурного развития науки и техники (технологий), при решении технико-юридических задач не обойтись без услуг новейших технических средств и технологий, совершенно очевидно. Это ведет к тому, что в юридическую технику в традиционном понимании подключаются еще и разнообразные оборудования, средства из области материальной техники.

С развитием электронной техники и связанных с ней технологий формируются электронный парламент, электронное правительство, электронное правосудие, электронное образование. А это не только удобство в сфере коммуникативных отношений, но и новые проблемы.

Таким образом, сегодня юридическая техника может рассматриваться как определенные правила, реализуемые соответствующими субъектами права, оснащенными современными техническими средствами, в практической деятельности в тех или иных областях правосферы. Это достаточно широкая трактовка юридической техники. Но даже при такой трактовке главное (внимание!) – это ее интеллектуальное составляющее, правовая мысль, разумная, сознательно-волевая деятельность в активных точках механизма правового регулирования общественных отношений.

решение, например, о возбуждении производства по делу в порядке надзора. если мы отбросим материальную оболочку (папку, бумагу, чернила, нитки, которыми сшито дело и т. д.)? Остается одно – разного рода мысли, мысленные образы (идеальные объекты), созданные участниками процесса. На бумаге в виде знаков и заключен «идеальный объект» уголовного дела, в котором отражена дискретная (ограниченная) частичка мира реального, что находится за стенами прокурорского кабинета, и частичка того реального мира, который находился в прошлом, канул в небытие. Правовое регулирование с точки зрения информации есть не что иное, как движение информации. Информация – явление сложное, многогранное. В данном контексте под информацией мы понимаем определенные сведения (знания), сообщения о чем-либо, носителем которых является знаковая система (язык) [5, с. 7 и др.].

Техника правовых документов. По С. И. Ожегову и Н. Ю. Шведовой: «документ, -а, м. 1) Деловая бумага, подтверждающая какой-н. факт или право на что-н. Расходные документы. Проездной д. Д. об образовании. 2. Удостоверение, официальная бумага, свидетельствующие о личности предъявителя. Проверка документов. Предъявить свой д. 3. Письменное свидетельство о каких-н. исторических событиях, фактах. Древнерусские грамоты – исторические документы» [6, с. 172]. В юриспруденции термин «документ» используется во всех трех приведенных значениях. Но юриспруденция – особый мир. В этой области в понятие «документ» вкладывается специфическое содержание. Так, в теоретической юриспруденции, в общей теории права, образовалось направление, которое объясняет природу правового документа с позиции теории информации.

С этой точки зрения: «Документ – это материальный носитель информации. Документы могут быть текстовыми, графическими, фотографическими, изобразительными, звуковыми. Юридические документы – это, как правило, документы текстовые, на бумажном носителе. Но с развитием систем электронной информации появились и документы на машинных носителях (диски, дискеты, ленты, пластиковые магнитные карты и т. п.). Главное в том, что юридический документ – это документ, содержащий правовую информацию» [7, с. 361 – 362].

С понятием «документ» связано другое понятие – «документация».

Документация – совокупность документов, посвященных какому-либо вопросу, явлению, лицу, учреждению и т. п. Как правило, документация организации делится на следующие виды: входящие (входные), исходящие (выходные), внутренние (служебные). Так, для банковских документов входными являются документы, представляемые клиентами в банк – платежное поручение, чек и т. п.,

а выходными – составляемые в банке и выдаваемые клиентам. Например, вкладной сертификат.

Число действующих в Российской Федерации документов (нормативных правовых актов) достигает нескольких десятков тысяч: тридцати или сорока тысяч. Число же документов ненормативного правового свойства – миллионы. Возможно, что число их еще больше – миллиарды. Разобраться в них сложно. В этой связи актуализируется проблема их классификации, требований, предъявляемых к правовым документам, вопрос об их доказательственном значении.

Бурное развитие науки и техники (технологий) и внедрение их инновационных достижений в практику привело к включению в систему документооборота новых явлений, терминов, понятий и категорий. В числе их «электронный документ», «электронный документооборот», «электронная копия документа», «система электронного документооборота». Проблемы, связанные с появлением электронной техники (технологий), нуждаются в основательном осмыслении.

«Техника» юридической науки. В самом общем виде «техника» юридической науки – совокупность средств и приемов, используемых при объективировании содержания научных данных, при их формулировании и изложении. Здесь особое значение имеют научная терминология; теоретические конструкции; гипотезы, концепции, теории, учения, доктрины.

Общая теория права и государства – развивающаяся наука. Если не нарушен баланс между теоретическим, научным и практическим, прагматическими подходами, то в современных условиях общая теория права и государства открывает прекрасные возможности для лучшего освоения правосферы и сопряженных с ней явлений. Научное познание безгранично, ему противопоказаны любые

рамки, особенно административные. И в этом общая теория права и государства не становится исключением. Общей теории права и государства как науке, кроме многих других функций, свойственна прогностическая функция, и реализуя ее, она способна определять перспективные направления развития не только самой общей теории права и

государства, но всей теоретической и практической юриспруденции в целом на обозримую и отдаленную перспективу. В этом проявляется такое качество общей теории права и государства, как фундаментальность, универсальность, теоретичность (методологичность, мета-теоретичность!) и практичность, взятые в единстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во ВГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. 472 с.
2. История и философия науки (философия науки): учебное пособие / Е. Ю. Бельская, Н. П. Волкова, М. А. Иванов [и др.]; под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Ю. Моторний. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2007. 335 с.
3. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. 258 с.
4. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб.: СПбГУП, 2002. 321 с.
5. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт-М, 2002. 432 с.

© Самигуллин В. К.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 321.7:321.64(470)

Н. В. ЗАЙЦЕВ, старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

N. V. ZAITSEV, senior lecturer of the Chair of Special Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**THE POLICE STATE: MYTH OR REALITY?**

Аннотация. Понятие «полицейское государство» возникло еще в европейской практике государственного управления. Данный тип государства использовался при правлении многих российских правителей. В современном мире концепция полицейского государства встречается во многих странах, высказываются мысли политических деятелей, депутатов Европарламента. Все они призывают соблюдать права человека, однако имеет место быть проблема соблюдения Конституции Российской Федерации. У специалистов и ученых отсутствует единая точка зрения на вопрос: «Полицейское государство: миф или реальность?» Все попытки проведения ряда определенных действий, концепция полицейского государства со всеми его функциями могут существовать лишь в литературе и культуре.

Ключевые слова и словосочетания: полицейское государство, правовое государство, типология государств, концепция государства, государственное управление, государственная власть, режимы правления.

Annotation. The concept of «the police state» arose in the European practice of public administration. This type of state was used during the reign of many Russian rulers. In the modern world, the concept of the police state is found in many countries, the thoughts of politicians and deputies of the European Parliament are expressed. They all call for respect of human rights, however there is a problem of observing the Constitution of the Russian Federation. Experts and scientists do not have a common point of view on the question «police state: myth or reality». All attempts to carry out a number of specific actions, the concept of the police state with all its functions can exist only in literature and culture.

Keywords and phrases: police state, legal state, the typology of states, the concept of state, state administration, state power, the regimes of governance.

Типология государств, разработанная научной доктриной, наряду с иными выделяет такой тип государства, как полицейское. История свидетельствует о том, что ранее данный тип был очень распространенной разновидностью государственных режимов правления. Специалистами в области истории отмечается, что необходимость создания полицейского государства изначально вытекала из идеи эвдемонической философии, согласно которой общество неспособно самостоятельно правильно организовать

свою жизнь. Вследствие этого роль организатора берет на себя государство в лице правителя. Главным предназначением такого государства является обеспечение всеобщего блага и народного счастья. Приверженцы данной теории считают, что достичь успеха в жизни и добиться счастья возможно только лишь при регламентации государством всех вопросов жизнедеятельности общества до мельчайших подробностей и определении того, что разрешено и что запрещено делать человеку. Суть их позиции можно выразить

изречением Фридриха Великого, который в свое время утверждал: «Народу, как больному ребенку, следует указывать, что ему есть и пить». Провозглашая основной целью благосостояние граждан, идеологи данной теории игнорируют и ни в какой степени не признают народ как источник власти. Противопоставляя полицейское государство правовому, многие рассматривают первое с негативной стороны, упуская при этом из виду, что его основной целью является достижение благоденствия народа, правды неспецифичными и весьма своеобразными методами.

Термин «полицейское государство» в научной литературе определяется как жесткое государственное управление, действующее только в своих интересах, подавляя и угнетая граждан. Феномен понятия «полицейское государство» возник еще в европейской практике государственного управления и обозначался как организация власти, которая стремится

через бюрократический аппарат завладеть всеми сферами общества, а иногда и проникнуть в частную жизнь граждан, пытаясь подчинить ее контролю. Полицейское государство – это полный антипод правового государства. Если правовое государство – это демократическое государство, где обеспечивается господство права, верховенство закона, равенство всех перед законом и независимым судом, в котором признаются права и свободы человека, а основой является принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, то полицейское государство – это общественное устройство, при котором власть государства осуществляется всеми способами, в том числе делегируя свои полномочия полицейским служащим, контролируя все сферы общества. Для более глубокого анализа отличий правового государства от полицейского обратимся к представленной ниже таблице.

Таблица 1

Правовое государство	Полицейское государство
1. Главенство права и закона во всех сферах общественной жизни.	1. Приоритет устных приказов и распоряжений представителей власти над правом и законом.
2. Разделение власти на три ветви (законодательную, судебную, исполнительную).	2. Отсутствие разделения властей или ее формальный характер.
3. Равенство всех перед законом и судом.	3. Снисходительное отношение к неправомерным деяниям полицейских.
4. Политический и идеологический плюрализм.	4. Караются всякое инакомыслие, запрет на оппозиционные движения в государстве.
5. Правовое регулирование наиболее важных общественных отношений.	5. Подробная (излишняя) регламентация большинства сторон общественной жизни; преобладание запретительных норм.
6. Права и интересы личности являются высшей ценностью государства.	6. На первый план ставятся интересы государства, игнорируется важность личности.
7. Полиция является правоохранительным органом, призванным обеспечить общественный порядок и безопасность в стране путем правомерных средств и методов.	7. Полиция является карательным органом; любое требование полицейского априори считается законным (за исключением случаев, когда преступность его действий очевидна или привлекла внимание и вызвала возмущение общественности).

Полицейское государство может обладать всеми перечисленными в таблице чертами одновременно, а может включать только некоторые из них. В любом случае наличие хотя бы одного из них свидетельствует о том, что государство не является правовым.

Идеи особой значимости полицейского органа в государстве придерживался французский деятель Н. Деламар, который писал о том, что «полиция есть наука управления людьми» [1]. Деламар приводил аргументы, показывая роль полицейской деятельности в важных сферах жизни граждан, к которым относил религию, здравоохранение и другие социальные сферы общества. В Европе и далее набирали обороты становление и изучение данного типа государства. И. Т. Тарасов писал, что «в новых государствах Европы, после того, как государственная власть, поборов центробежные элементы феодализма, окрепла настолько, что могла расширить свою деятельность дальше заботы об одной лишь внешней безопасности, — для этой деятельности в сфере внутреннего управления и найден был подходящий термин в понятии о полиции, в отличие от деятельности государственной власти в сфере внешнего управления, т. е. политики» [2, с. 58].

В рамках полицейского государства предназначенная для охраны правопорядка и обеспечения безопасности государства полиция изменяет свои первостепенные задачи: увеличивается сфера влияния и административные функции, некогда свободные от внешнего воздействия сферы жизни общества становятся полностью подвластными. Стремление к устранению нищеты, приравнивание всех к одному уровню жизни и устранение социальных проблем достигается в государстве весьма незаконными методами.

В истории Российского государства основы полицейского государства прослеживались при правлении Ивана IV и его борьбе с боярством и земством, про-

веденных реформах с крестьянством и вечном закреплении их к своим помещикам и т. п. Иван IV только лишь своими указами единолично решал все вопросы государственного управления. Все вопросы, касающиеся войны и мира, законов и налогов, сосредотачивались лишь в руках правителя. Регулирование данных процессов не обходилось без усилий принуждения и причинения смерти своему народу.

Считается, что полицейское государство существовало и в петровских методах управления общественным развитием для общего блага. И. Т. Посошков утверждал, что «только верховная власть, способная все регламентировать, может облагодетельствовать народ» [3, с. 233]. Его взгляды на властвование в стране кажутся очень жесткими и суровыми. Полиция в начале XVIII века выполняла роль карательно-правоохранительного, судебного, исполнительного органа. Являясь универсальным государственным органом, она занималась регулированием передвижения и проживания населения, сыском беглых крестьян, регистрацией приезжих граждан, сбором полицейских налогов, производством дознания и предварительного следствия, судебным рассмотрением дел, а также исполнением приговоров. Рассматриваемый период характеризуется подробнейшей регламентацией всех сфер жизни граждан: без получения разрешения полицейского органа граждане не могли впустить никого на ночлег, запрещалось носить бороду, в соответствии с занимаемым должностным положением определялось, каких лошадей и сколько запрягать в экипаж. Нарушение этих и многих других правил каралось государством посредством применения мер наказания вплоть до битья кнутом и ссылки на каторгу.

Анализируя историческую составляющую развития полицейского государства, важно отметить, что ни одно государство в мире так и не было признано полицейским. В этой стезе можно гово-

речь лишь о том, что какая-то страна обладала большим количеством черт данного типа государства, какая-то – меньшим. А. И. Елистратов высказывал мысль о том, что «в истории политического развития ступень полицейского государства уступает место высшей ступени правового государства» [4, с. 31].

В современном мире концепция полицейского государства встречается в высказываниях и мыслях политических деятелей. Депутаты Европарламента, посетившие Российскую Федерацию в 2009 г., призывали Кремль соблюдать права человека, так как считали, что им уделяется мало внимания. Иностранное издание Newsweek заявляло в 2010 г, что в России приняты два закона, которые ограничивают права граждан, а сотрудникам органов безопасности делегируют данные права. Авторы данной газеты утверждали, что в России восстанавливаются основы полицейского государства. Однако высший нормативный правовой акт нашей страны – Конституция РФ – в ст. 1 определяет Россию как правовое государство [5]. Многими юристами по данному поводу были сделаны довольно смелые заявления, суть которых заключается в том, что закрепленная в Конституции РФ норма опережает имеющую место в настоящий момент действительность. По нашему мнению, нормативная регламентация данного положения стала первым и очень важным шагом на пути к формированию правового государства. Одновременно хочется отметить, что лишь формального закрепления этого постулата недостаточно, чтобы Россия в действительности стала правовым государством. Как известно, «де-юре» не всегда означает «де-факто».

Значительно важным критерием разграничения правового и полицейского государства является дифференциация общественного и личного интереса. В первом интересы гражданина ставятся выше интересов общественных, права и свободы отдельно взятого человека признаются высшей ценностью. Во втором

личность как таковая не играет роли вообще, здесь государство само определяет, что для индивида хорошо, а что плохо. В связи с вышеизложенным имеет место проблема, касающаяся соответствия реальной действительности главному закону нашей страны.

Для сравнения России с положением дел в других странах: некоторые политические деятели и издания придерживаются мнения, что США – полицейское государство. С. Петров утверждает, что «... американцы могут этого и не осознавать, однако сами за себя говорят отряды солдат, марширующие по улицам городов в роли полицейских, курсирующие полицейские танки и стремительно растущее количество заключенных в тюрьмы граждан. Убедительным подтверждением этому является и число граждан, ставших жертвами жестокого и грубого обращения со стороны тех, кто поклялся их защищать» [6].

Существует мнение, согласно которому в российском государстве чрезмерно расширена штатная численность полицейских. По данным на 2017–2018 гг. численность сотрудников органов внутренних дел составляла 914 500 человек. При этом Россия занимала третью позицию по полицейской силе после таких стран, как Китай и Индия. Однако при сравнении этих стран по количеству сотрудников на 100 тысяч населения было установлено, что Китай (120 человек) и Индия (128 человек) значительно отстают от России (623 человека). Разумеется, приверженцами данного мнения приводятся в пример и Соединенные Штаты Америки, в которых численность полицейских на 100 тысяч населения составляла 256 человек. На сегодняшний день согласно Указу Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 300 (в ред. от 01.10.2018) «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» предельная штатная численность органов внутренних дел составляет 894 869 единиц. При этом из

отчета МВД России о реализации госпрограммы «Обеспечение общественно-го порядка и противодействие преступности» за 2018 год следует, что уровень укомплектованности личным составом органов внутренних дел по итогам 2018 г. сократился до 92,6 %. Соответственно, в ОВД служит около 828649 сотрудников, среди которых количество руководящих, штабных и иных, не связанных с деятельностью по обеспечению правопорядка, должностей превышает количество рядовых полицейских.

Одновременно с этим сторонники принадлежности России к полицейским государствам не учитывают фактор, связанный с беспределом сотрудников по отношению к населению. Для сравнения приведем статистические данные по количеству смертей населения от рук полицейских в России и США. Такая статистика не публикуется в официальных источниках, но по данным газеты The Washington Post, в течение 2017 года американские полицейские в США застрелили 987 человек. Отмечается, что авторы статьи основывались на собственном анализе судебных документов и полицейских отчетов. С нашей точки зрения, эта цифра с учетом количества сотрудников полиции на 100 тысяч населения неоправданно велика. Американские полицейские вынуждены часто обращаться к применению оружия по той причине, что преступники, как правило, вооружены. В России также информация о смертях граждан по вине сотрудников ОВД не публикуется в официальных документах. Однако, по неподтвержденным данным, эта цифра в 2015 г. достигла отметки 75 человек.

На основании всего вышеизложенного отметим, что в России полиция выполняет роль правоохранительного органа с четко очерченным кругом компетенций, не выходящим за рамки правового поля. Однако автор придерживается точки зрения, что нашу страну нельзя на данном этапе развития назвать и правовой в полной мере, поскольку элементы полицейского государства в современной действительности имеют место. Об этом свидетельствуют многие факты: занятие ключевых государственных должностей военными, представителями правоохранительных органов, включая полицию, спецслужбы; чрезмерное увлечение нормотворческой деятельностью, которая в какой-то части просто бумаготворчество, отнюдь не безобидное, поскольку оторвано от реалий; бюрократизация; коррупция.

Таким образом, на вопрос «Полицейское государство: миф или реальность?» у специалистов и ученых нет единогласной точки зрения. Исторический опыт России показывает, что его элементы присутствовали во времена правления Ивана IV, а также Петра I. Кроме того, некоторые исследователи, в их числе и автор данной статьи, склоняются к версии, что составляющие полицейского государства присутствуют и на настоящем этапе развития нашего государства. Хочется отметить, что на современном этапе развития российской государственности очень важной представляется правильная политика страны, основным вектором роста которой будет приведение имеющейся реальности в соответствие с положениями нормативных правовых актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов А. Три века российской полиции. 2019. URL: <https://books.google.ru/> (дата обращения: 10.03.2020).
2. Егоров Н. Ю. И. Т. Тарасов о пределах государственного вмешательства в общественную жизнь при реализации социальной функции государством // Genesis: исторические исследования. 2018. № 6. С. 57–65.

3 Носаненко Г. Ю. Предпосылки становления полицейского государства в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 231–235.

4. Матвеев С. П. Полицейская деятельность как объект научных исследований российских ученых-полицистов // Вестник Воронежского института МВД России. № 1. 2015. С. 28–34.

5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (в ред. от 30.12.2014) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

6. Петров С. США – полицейское государство, где человек бесправен. URL: <https://riafan.ru/507162-ssha-policeiskoe-gosudarstvo-gde-chelovek-bespraven> (дата обращения: 12.03.2020).

© Зайцев Н. В.

УДК 341.48:343.326

Д. Р. САЛИХОВ, заместитель начальника кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

D. R. SALIKHOV, deputy head of the Chair of Special Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF THE FIGHT AGAINST INTERNATIONAL TERRORISM

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности международного терроризма, а также методы сотрудничества государств в сфере противодействия терроризму. Автор выделяет актуальные проблемы, существующие в сфере глобальной борьбы с терроризмом, а также основные направления борьбы с международным терроризмом.

Ключевые слова и словосочетания: международный терроризм, Глобальная база данных терроризма (GTD), методы борьбы с терроризмом, интернет-терроризм, экстремизм, радикализация.

Annotation. The article discusses the main features of international terrorism, as well as methods of cooperation between states in the fight against terrorism. The author highlights the current problems in the global fight against terrorism, as well as the main directions of the fight against international terrorism.

Keywords and phrases: international terrorism, Global Terrorism Database (GTD), methods of combating terrorism, Internet terrorism, extremism, radicalization.

Международный (транснациональный) терроризм является очень сложно прогнозируемым явлением, поскольку в нем могут участвовать представители из различных государств, посягающие на интересы государств, что требует более серьезной координации действий. Эта

координация касается совместного правового регулирования, организации всеобщих действий по предотвращению, пресечению и устранению последствий террористических атак. Также совместные действия принимаются в рамках ведения общих баз данных о случаях

террористических атак. Глобальная база данных терроризма (далее – База данных; GTD) документирует более 190 000 международных и внутрисовременных террористических атак [1], которые произошли во всем мире с 1970 года. На данном ресурсе встречается подробное описание различных аспектов каждой террористической атаки, что позволяет аналитикам, политикам, ученым и журналистам ознакомиться с моделями современного международного терроризма. GTD также описывает деятельность международных террористических организаций (в Базе данных содержится более чем 2000 террористических организаций и более 700 группировок).

В целом, как отмечается в руководстве к Базе данных, модели международных террористических атак очень разнообразны по времени и по местам их совершения, поэтому основной задачей такой базы является максимально подробный анализ международных террористических атак и попытка их дальнейшего прогнозирования и предотвращения совместными усилиями.

Некоторые общие выводы, полученные из GTD, касаются характера и распространения международных террористических атак. Кроме этого, во внимание стоит принимать данные ежегодного доклада «Глобальный индекс терроризма» международного Института экономики и мира [2, с. 296]. При анализе данного акта выделим следующие важные количественные характеристики, дающие представление о терроризме в целом:

1. Общее число смертей от терроризма снизилось в период с 2015 по 2018 год и сократилось на 15,2 % (15 952 смертей в 2018 году).

2. Худшие показатели по смертности от терроризма были зафиксированы в Афганистане: зарегистрировано 7379 смертей от терроризма, что на 59 % больше, чем в 2017 году.

3. Спад деятельности ИГИЛ продолжается с 2017 года. Смертность, связан-

ная с этой группой, снизилась на 69 %, а число террористических атак снизилось на 63 %.

4. Глобальное воздействие терроризма на экономику в 2018 году составило 33 млрд долларов США, что на 38 % ниже уровня 2017 года [3].

Учитывая данные количественные показатели, можно сформулировать следующие тенденции:

1. Наиболее распространенными видами террористических атак на сегодняшний день являются взрывы и вооруженные нападения.

2. Военный конфликт является основной движущей силой террористической деятельности. В 2018 году 95 % смертей от терроризма произошло в странах, где происходили вооруженные конфликты. Терроризм также связан с интенсивностью конфликта. Существует сильная корреляция между количеством погибших в вооруженном конфликте за год и количеством террористических атак за этот же исследуемый период.

3. Повстанческие группировки зачастую используют терроризм в качестве тактики ведения войны и чаще всего наносят удары по инфраструктуре, полиции и государственным военным.

4. С 1985 года было совершено более 300 террористических атак с участием, по меньшей мере, одной женщины, в результате которых погибло 3071 человек. Практически все атаки происходили путем самоубийства женщин. В 2018 году было совершено 22 террористических акта с участием женщин.

5. Одной из самых актуальных характеристик является разнообразие международного терроризма как националистического.

Этот факт продолжает подрывать социально-политическую ситуацию во многих странах и регионах мира и выступает в качестве наиболее опасного средства националистического экстремизма, инструмента реализации

статусных и территориальных претензий и, чаще всего, инструмента сепаратистских устремлений, реорганизации государственных границ в нарушение национального конституционного законодательства и послевоенным международно-правовым институтом в отношении их неприкосновенности. В центре процессов развития националистического терроризма, как правило, существуют этнические противоречия внутри государства.

Международный терроризм всегда находил идеи в религии, но это опасное явление никогда не представляло такой серьезной угрозы человечеству, как сегодня на фоне возникновения и распространения джихадистского терроризма перед лицом «Аль-Каида» и «ИГИЛ» [4] (несмотря на некоторый спад активности данных группировок). Используя искаженные толкования исламских учений, эти группы прибегают к широкомасштабным актам насилия для достижения своих идеологических, политических целей.

На основании исследования тенденций международной террористической преступности можно сделать вывод, что борьба с таким глобальным явлением, как террористическая преступность, требует партнерских отношений на всех уровнях. Главы государств и правительств, коммерческие и некоммерческие организации, гражданское общество имеют решающее значение в борьбе с террористической преступностью. Сегодня можно говорить о совокупности эффективных методов и приемов, с помощью которых можно вести борьбу с террористической преступностью, которые кажутся наиболее эффективными и приоритетными на сегодняшний день, например:

1. Пресечение финансирования терроризма. Борьба с коррупцией с целью предотвращения распространения терроризма и слияния его с политическими институтами.

Действенными механизмами в борьбе с финансированием терроризма могут быть:

– жесткий контроль за деятельностью благотворительных фондов, так как они зачастую являются каналами проведения финансовых средств;

– контроль за активностью групп в социальных сетях, в которых регулярно происходит сбор средств на подозрительные цели.

2. Выработка новых стратегий и технических инструментов для предотвращения распространения радикальных идей в Интернете [5].

Международные и национальные экстремисты широко представлены в Интернете с помощью платформ обмена сообщениями, онлайн-изображений, видео и публикаций. Это усиливает способности групп радикализировать и привлекать лиц, восприимчивых к экстремистским сообщениям [6, с. 14].

Итак, основным направлением работы по этому пункту может стать создание программного обеспечения, которое будет препятствовать распространению радикальных идей, выявлять террористическую онлайн-активность, локализацию группировок или отдельных представителей и т. д. Для этого необходимо стимулировать инновационную активность.

3. Поиск новых форм сотрудничества государств (в том числе неформальных – образовательных, научных, культурно-исторических).

Прежде всего, такое сотрудничество осуществляется в рамках международных, региональных организаций и специализированных учреждений (СБ ООН, ОБСЕ, ЕС, СНГ и т. д.). В рамках их деятельности важно принимать решения глобального характера, издавать специализированные акты, определять основные и неформальные направления деятельности. В рамках неформального взаимодействия между государствами осуществляется эффек-

тивный обмен мнениями, учитываются последние тенденции транснациональной террористической преступности.

Однако борьба с террористической преступностью может быть осложнена по нескольким причинам, что в результате делает такую борьбу сложной задачей для всего мирового сообщества. Прежде всего, международная террористическая преступность пересекает границы, что означает необходимость учета и соблюдения суверенитета другого государства, правопорядка, установленного на его территории. Правоохранительные органы на протяжении многих веков были организованы для поддержания порядка в основном в пределах национальных границ.

Международные усилия по борьбе с террористической организованной преступностью, к сожалению, слишком слабы для устранения угрозы. Все разработанные на данный момент стратегии уделяют слишком мало внимания борьбе с коррупцией и устранению растущего взаимодействия террористических групп с политической властью. В конечном счете многосторонние инициативы по борьбе с преступностью являются «секторными» или локальными и пытаются решить проблему без эффективного регулирования мирового рынка, который лежит в основе зарождения террористической преступности во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккаева Х. А. Использование террористическими и экстремистскими организациями социальных сетей // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 3. С. 23–25.
2. Доклад «Глобальный индекс терроризма» международного Института экономики и мира» за 2019 год. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf> (дата обращения: 26.02.2020).
3. Жубрина Р. В. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография. Проспект, 2016. 656 с.
3. Костихин А. А. Интернет как инструмент террористических и экстремистских организаций в психологической войне. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/11-07-06c.htm> (дата обращения: 26.02.2020).
5. Пинчук А. Ю. Современный международный терроризм как актуальная политическая проблема глобального развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. № 2. С. 143–150.
6. Харитонов О. Г. Изучая терроризм: основные контуры дискуссии // Политическая наука. 2018. № 4. С. 13–33.

© Салихов Д. Р.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 343.985.7:343.575:343.237(470)

Г. Х. АФЗАЛЕТДИНОВА, старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимский юридический институт МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. Kh. AFZALETDINOVA, senior instructor of the Chair of Criminalistics Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕРШЕНИЯ СБЫТОВ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ**

**ON THE ISSUE OF PECULIARITIES OF SALES OF NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES BY AN ORGANIZED GROUP**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность организованной группы, занимающейся незаконным распространением наркотических средств, психотропных веществ (преимущественно синтетического происхождения) и их аналогов как деятельность, создающая угрозу Российской Федерации. Указываются современные тенденции, оказывающие существенное влияние на способ совершения рассматриваемых преступлений: использование глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет и современных систем при общении участников организованной группы, посредством установления приложений и программного обеспечения на электронных средствах связи; бесконтактный способ получения денежных средств за реализуемый наркотик посредством использования электронных платёжных систем: Qiwi-кошелёк, WebMoney, Яндекс.Деньги, криптовалюты и др.

Ключевые слова и словосочетания: организованная преступная группа, наркотическое средство, психотропное вещество, аналог, платёжная система, сбыт бесконтактным способом.

Annotation. The article considers the activities of an organized group engaged in the illegal distribution of narcotic drugs, psychotropic substances (mainly of synthetic origin) and their analogues as activities that pose a threat to the Russian Federation. The author points out the current trends that have a significant impact on the method of committing the crimes in question: the use of the global information and telecommunications network «Internet» and modern systems when communicating with members of an organized group, by installing applications and software on electronic means of communication; a contactless method of receiving money for the drug sold, through the use of electronic payment systems: Qiwi-wallet, WebMoney, Yandex.Money, cryptocurrencies, etc.

Keywords and phrases: organized criminal group, narcotic drug, psychotropic substance, analog, payment system, sales by contactless method.

Одной из угроз государственной политики Российской Федерации и национальной безопасности является незаконное распространение наркотических средств, психотропных веществ

(преимущественно синтетического происхождения), их аналогов и их немедицинское употребление, что негативно сказывается на здоровье как отдельной личности, так и общества в целом, де-

мографическом потенциале и наркоситуации в стране. Согласно данным ГИАЦ МВД России количество незаконных сбытов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с января по сентябрь 2019 года увеличилось на 2,2 %, в 2019 году совершено 84643 случая незаконного сбытов наркотиков [2].

Анализ следственно-судебной практики показал, что имеются некоторые проблемы, связанные с документированием, раскрытием и расследованием уголовных дел по сбытам наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемому в организованных формах, а также по привлечению к уголовной ответственности организатора и участников преступной группы. Организованная преступность вообще и в сфере незаконного оборота наркотиков в частности на протяжении последних десятилетий остается важной государственно-правовой задачей на современном этапе развития, требующей научного осмысления со стороны учёных различных отраслей права.

Стоит отметить, что одной из особенностей способа совершения сбытов наркотических средств и психотропных веществ организованной группой является использование глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет и современных систем при общении участников организованной группы (посредством установления приложений и программного обеспечения на электронных средствах связи). Способ совершения преступления по рассматриваемой категории преступлений – это система действий по их подготовке, совершению и сокрытию, на которые оказывает влияние внешняя среда и психофизиологические свойства личности. Возможности сети Интернет используются при вовлечении новых членов, распространении информации для наркопотребителей о сбываемых наркотиках (зачастую указывается, что распространяемый наркотик синтетическо-

го происхождения является легальным), т. е. оказывают влияние на схему и механизм рассматриваемой преступной деятельности. Возможности сети Интернет используются в той или иной степени всеми участниками преступной группы. Бесконтактный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемый посредством электронных платёжных систем и сотовой связи, используемый в течение нескольких лет при сбыте, вытеснил существовавший ранее сбыт наркотиков «из рук в руки». Бесконтактный сбыт наркотиков способствует обеспечению мер конспирации, и как следствие, затрудняет установление, задержание и привлечение к уголовной ответственности организаторов и иных участников организованной группы. Руководитель организованной преступной группы информирует участников, в том числе используя электронные средства связи и программы обмена сообщениями, о месте и обстоятельствах получения наркотика, его расфасовке на более мелкие партии, территориальном районе реализации посредством тайников – «закладок», фотографирования данных мест и направления фотоотчёта руководителю организованной преступной группы (или подгруппы). Участники организованной преступной группы информируются о поведении при задержании их сотрудниками правоохранительных органов, им обещается (зачастую гарантируется) соответствующая поддержка.

Использование возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет позволяет участникам организованной преступной группы, совершающей сбыты наркотиков, находиться в разных регионах. В следственно-судебной практике встречаются случаи, когда руководитель организованной преступной группы осуществлял руководство, находясь в местах лишения свободы, отбывая наказание за ранее совершенное преступление. Таким об-

разом, деятельность вышеуказанных групп зачастую имеет межрегиональный либо транснациональный характер.

Наличие бирж наркосбытчиков, не требующих обязательной верификации и на которых проводятся операции на условиях анонимности, затрудняют установление в полном объеме лиц, приобретающих наркотик у членов организованной преступной группы, и установление реального периода преступной деятельности. Также к объективным обстоятельствам, негативно сказывающимся на установлении участников организованной преступной группы, следует отнести регистрацию сим-карт на подставных лиц либо по утерянным документам, что позволяет членам отмеченной преступной группы осуществлять финансовые операции посредством онлайн-банка [1, с. 362].

Отмеченные обстоятельства и изменения в способе совершения сбыта наркотиков, отражающие общие тенденции по цифровизации, а также анонимность личности пользователя Интернета, сложность установления всех участников организованной преступной группы затрудняют противодействие данной категории преступлений, раскрытие и расследование сбытов, совершаемых организованной группой, что обуславливает необходимость выработки научных предложений и рекомендаций сотрудникам правоохранительных органов.

В процессе документирования противоправной деятельности организованной преступной группы и в процессе расследования совершенных преступлений должны быть установлены структура преступной группы, подчиненность и круг обязанностей каждого, механизм совершения сбыта бесконтактным способом и получения денежных средств за реализуемый наркотик (использование электронных платёжных систем: Qiwi-кошелёк, WebMoney, Яндекс.Деньги, криптовалюта).

Изучение следственно-судебной практики показывает, что организованные преступные группы, обладая признаком иерархичности, включают в себя следующие основные структурные элементы: «организатор (руководитель)», «вербовщик», «оператор (диспетчер)», «закладчик». Обмен информацией между участниками преступной группы осуществляется посредством мессенджеров (Jabber, Telegram и др.). «Организатор» отвечает за общее руководство созданной структурной единицы, распределение ролей и функций каждого члена группы, вербовку участников (либо для осуществления этой функции может быть выделено отдельное лицо), планирование совершаемых преступлений, поддержание дисциплины, установление порядка поступления денежных средств за реализуемое наркотическое средство (внедрение системы оплаты, исключающей возможность визуального контакта).

«Организатор» преступной группы, деятельность которой преследует общую цель – совершение сбытов наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, с целью длительного совершения вышеуказанной преступной деятельности контролирует соблюдение мер конспирации членами группы. В обязанности «вербовщика» входит распространение информации о возможности быстрого и легкого заработка (как правило, посредством использования сайтов информационно-телекоммуникационной сети Интернет, размещения рекламы в интернет-магазине), подбор членов преступной группы с целью обеспечения исполнения ими своих обязательств и предотвращения возможной утраты передаваемых на реализацию наркотических средств. К обязанностям «диспетчера» относятся: принятие от потребителей (зачастую не являющихся членами преступной группы) «заказов» о необходимом наркотике, в завуалированной форме обозначается вид

наркотического средства, психотропного вещества либо их аналога (например, «скорость») и количество свёртков; контроль за поступлением денежных средств на счёт от наркопотребителей. Полученную информацию «диспетчер» передаёт «закладчикам» («курьерам»). В обязанности «курьера» входит получение (как правило, бесконтактным способом) крупной партии наркотика, его расфасовка на мелкие партии, далее наркотик помещается в тайник – «закладку», адрес которой с фотографией направляется посредством мобильного приложения «организатору» либо «диспетчеру». Также возможно совмещение нескольких функций одним лицом, например, «оператора», «закладчика» и «кассира».

Анализ произведенной следственно-судебной практики при расследовании рассматриваемой категории преступлений, совершаемых организованными преступными группами, позволяет сделать вывод о том, что меры конспирации могут приобретать разнообразные проявления, которые выражаются в:

- различных способах и схемах доставки наркотических средств с возможностью использования транспортных средств, в том числе под управлением лиц, не осведомленных о преступной деятельности группы;

- использовании в качестве орудий совершения преступлений одновременно нескольких средств мобильной связи с установленной программой мгновенного обмена сообщениями «Telegram», с сим-картами различных операторов сотовой связи, с абонентскими номерами, зарегистрированными как на себя, так и на посторонних лиц, в целях обеспечения скрытности и безопасности своей преступной деятельности;

- доведении непосредственно перед исполнением возложенных на члена преступной группы обязанностей, когда преступление начато другими участниками организованной группы;

- обсуждении в завуалированной форме соучастниками условий, деталей, количества, сроков очередной поставки, потайных мест – «закладок» наркотических средств с применением специально оговоренной терминологии;

- построении общения участников группы с «организатором» на текстовой переписке и отправлении фотоизображений с разъяснениями об адресах, оборудованных потайных местах – «закладках» с наркотическими средствами, психотропными веществами либо их аналогами с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также программы обмена сообщениями («Telegram») инкогнито, исключая личные, визуальные и голосовые контакты;

- отсутствию у лиц, подвергавшихся максимальному риску быть задержанными правоохранительными органами, – «закладчиков», сведений друг о друге, других участниках группы, «организаторе»;

- передаче наркотических средств, психотропных веществ либо их аналогов от «организатора» «закладчику», а также непосредственном незаконном сбыте наркотиков их покупателям, который производится только через заранее оборудованные потайные места – «закладки», исключая непосредственный контакт между участниками группы;

- использовании платежной системы «Visa QIWI Wallet» и электронных счетов, открытых в АО «КИВИ БАНК» на абонентские номера компаний сотовой связи, для получения оплаты за приобретаемые наркотические средства, психотропные вещества либо их аналоги от их покупателей, а также для расчетов с участниками группы;

- систематическом производстве замены электронных счетов в платежной системе «Visa QIWI Wallet», открытых в АО «КИВИ БАНК», используемых для расчетов с участниками группы.

Так, организованная группа под руководством «организатора», в состав ко-

торой входили Д., Д., П., П., П., А., П., П., В., Ж., З., для совершения особо тяжких преступлений и получения дохода от незаконного сбыта наркотических средств в значительном, крупном и особо крупном размерах в целях конспирации для затруднения выявления сотрудниками правоохранительных органов их преступной деятельности общались между собой путем переписки с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет либо в программе обмена сообщениями «Telegram» (здесь применялись различные имена пользователей и ники, избегалось употребление в речи непосредственных названий незаконно сбываемых наркотических средств). Так, название, масса, количество и упаковка наркотических средств участниками организованной группы в ходе общения между собой обозначались условными фразами: «ск», «скорость», «кри», «мд», «сп», «мука» и другими, означающими название наркотических средств; «0,3 гр», «0,5 гр», «30 гр», «50 гр», «500 гр», «1 кг» и другими, означающими необходимую массу наркотического средства: «1 пак», «2 пак», «сверток» и другими, означающими количество и упаковку наркотических средств [3].

Стоит отметить и возможность блокирования Интернет-ресурсов руководителем организованной преступной группы в случае задержания его членов сотрудниками полиции, что в последующем в ходе предварительного расследования затрудняет установление фактического местоположения пользователя, производимого посредством IP-адреса.

В связи с использованием электронных платёжных систем при расчётах за приобретаемое наркотическое средство, психотропное вещество или их аналоги в целях сокращения сроков предварительного расследования предлагается повышение взаимодействия оперативных подразделений (в том числе и при исполнении отдельных поручений лица,

осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу) с сотрудниками службы безопасности Киви Банка, объединяющего другие платёжные системы, что позволит направлять запросы посредством электронной почты.

Работа по улучшению взаимодействия с электронными платёжными системами позволит деанонимизировать участников организованной преступной группы, документировать и доказать в ходе предварительного следствия дополнительные эпизоды преступной деятельности и привлечь виновных лиц к уголовной ответственности. Следующим направлением по повышению эффективности расследования рассматриваемой категории преступлений является совершенствование существующих мер по взаимодействию экспертно-криминалистических, оперативных и следственных подразделений.

Требует также законодательной регламентации посредством нормативных правовых актов вопрос деанонимизации лиц, совершающих денежные переводы посредством платёжных систем, упорядочение реализации сим-карт (посредством которых в последующем осуществляется онлайн-перевод денежных средств), платежей с использованием криптовалюты и др.

Необходимо осознавать, что проблема повышения эффективности выявления, раскрытия и расследования сбытов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых организованной преступной группой, требует совместных усилий со стороны правотворческих и правоприменительных органов, внедрения и использования научных положений в следственной практике, что позволит оказать серьёзное противодействие наркопреступности и улучшить наркоситуацию в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афзалетдинова Г. Х. Актуальные проблемы противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Уфа, 2019. № 1. С. 359–364.
2. Состояние преступности в России за январь–сентябрь 2019 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/18556721> (дата обращения: 29.02.2020).
3. Уголовное дело № 6164299 // Архив Стерлитамакского городского суда РБ.

© Афзалетдинова Г. Х.

ЧАСТНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 347.931(470)

Е. В. ПОНОМАРЕВА, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. V. PONOMAREVA, assistant professor of the Chair of Civil and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

Д. А. КУРБАНОВ, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

D. A. KURBANOV, associate professor of the Chair of Civil and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ АКТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF JUDICIAL ACTS IN THE CIVIL PROCESS

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших институтов в гражданском процессуальном праве – судебное решение, которое является итоговым процессуальным документом в деятельности судьи по рассматриваемому спору. От грамотного и обоснованного вынесенного решения зависит эффективность восстановления нарушенных гражданских прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений.

Ключевые слова и словосочетания: гражданский процесс, суд, судебное решение, судопроизводство, судебный акт.

Annotation. *One of the most important institutions in civil procedural law is a court decision. The court decision is the final procedural document in the activity of the judge on the considered dispute. The effectiveness of restoring violated civil rights and legitimate interests of subjects of civil relations depends on a competent and justified decision.*

Keywords and phrases: *civil procedure, court, court decision, legal proceedings, judicial act.*

Судья, отступающий от текста закона, становится законодателем.

Ф. Бэкон

Итоговым документом разрешения спора по существу в гражданском судопроизводстве является решение суда, которое должно быть вынесено судьей (единолично или коллегиально) законно и обоснованно. По содержанию решение суда состоит из следующих частей:

- вводной;
- описательной;
- мотивировочной;
- резолютивной [1].

При составлении судебных актов возникает множество проблемных аспектов, которые требуют своего решения как на правоприменительном, так и на законодательном уровнях. Так, одним из спорных теоретических вопросов в гражданском процессе является предоставление судам права выносить судебные решения без мотивировочной части.

В главе 21.1 ГПК РФ [2] определен упрощенный порядок судебного разбирательства. При этом решения по делу, рассматриваемому в порядке данного судопроизводства, принимаются путем вынесения судом резолютивной части (ст. 232.4 ГПК РФ). Таким образом, у суда общей юрисдикции отсутствует право на составление мотивированного решения по своей инициативе.

Законодатель отметил, что мотивировочная часть решения составляется судом только в том случае, если имеется заявление от лиц, участвующих в деле или их законных представителей о составлении решения с мотивированной частью. Данное положение действует и в арбитражном судопроизводстве. Подобное заявление подается в течение пяти календарных дней с момента подписания резолютивной части решения суда (ч. 3 ст. 232.4 ГПК РФ). Также обратим внимание на то, что в случае подачи апелляционной жалобы на вынесенное решение суд первой инстанции обязан составить мотивировочную часть решения. Однако в случае если заявление о составлении мотивированного решения содержится в самом исковом заявлении или в отзыве на исковое заявление, то не влечет обязанность суда составлять мотивированное решение (ч. 3 ст. 232.4 ГПК РФ, ч. 2 ст. 229 АПК РФ) [3, 4].

До введения положений о рассмотрении дел в порядке упрощенного судопроизводства вынесение решений без мотивировочной части имеют право мировые судьи по рассматриваемым спорам (ч. 3 ст. 199 ГПК РФ). При этом составление мо-

тивированного решения наступает лишь только после поступления заявления о составлении подобного решения суда. При этом законодатель определил как сроки, так и субъектный состав, имеющий право на подачу подобного рода заявления (ч. 4 ст. 199 ГПК РФ).

Во избежание незатягивания судебного процесса действующим гражданским процессуальным законодательством определен пятидневный срок, в течение которого мировой судья обязан составить мотивировочную часть решения по рассматриваемому делу (ч. 5 ст. 199 ГПК РФ).

В теории права существуют как сторонники, так и критики по поводу исключения мотивировочной части из решения суда. Так, А. Р. Султанова пишет, что «у судьи появляется необходимость тщательного исследования вопроса о круге заинтересованных лиц, участников спорного правоотношения. В отсутствие такого исследования возникает проблема отсутствия мотивированного решения, когда жалоба подается лицом, не привлеченным к рассмотрению дела, но о чьих правах и обязанностях вынесено решение. Причем такое лицо может узнать о судебном решении спустя значительное время после того, как решение уже вступило в законную силу. И может, уже даже после того, как судья перестал работать судьей. Все это может создать проблемы с реализацией права на обжалование для лица, которое не было привлечено к рассмотрению дела» [5, с. 56]. Несмотря на установленные сроки подачи заявления о составлении мотивировочной части, законодатель допускает восстановление пропущенного срока в общем порядке. Так, В. Я. Неказаков пишет о практической проблеме, которая уже имеет место быть в процессе судопроизводства, а именно «может быть

так, что мотивированное решение судья, который рассматривал дело, составить не может в силу различных объективных причин: уволился с работы, перешел на работу в другой суд, умер и т. д. Ввиду этого возникает вопрос: кто будет составлять мотивированное решение в этих случаях?» [6, с. 44].

Считаем, что подобную проблему возможно решить путем установления временных рамок, а именно ограничения срока обжалования решений, вынесенных в порядке упрощенного производства и запрета на восстановление пропущенного срока обжалования. В связи с этим предлагаем внести соответствующие изменения путем дополнения в ст. 199 ГПК РФ. Таким образом, данная новелла в гражданском процессуальном законодательстве соответствовала бы идее оптимизации и эффективности в деятельности судов.

Следует обратить внимание и на другие проблемные аспекты, существующие в институте судебных актов гражданского судопроизводства. Так, например, в соответствии с ч. 1 ст. 200 ГПК РФ, судебные акты являются неизменными для суда, вынесшего их, при этом возможные упущения в данных актах должны корректироваться вышестоящим судом. Кроме того, законодатель предусмотрел, что при наличии определенных недостатков суд вправе по своей инициативе или по инициативе заявителей внести корректировки. Среди них описки, арифметические ошибки, указанные в судебном акте, или неясность и неполнота решения. Данные недочеты представляют собой «внешние недостатки судебного решения». При этом, по мнению Н. А. Батуриной, «описки (опечатки), арифметические ошибки, а также допущенные судьей орфографические, грамматические, стилистические

ошибки не имеют большого значения, однако это не совсем так. Небрежность в оформлении судебного акта хоть и не влияет на его законность и обоснованность, но ухудшает восприятие смысла, препятствует исполнению судебного акта, наглядно демонстрирует недостаточный уровень профессионализма судьи и существенно снижает авторитет судебной власти» [7, с. 12].

Однако необходимо отметить, что опiski в судебных решениях могут привести к прямо противоположному выводу и повлечь негативные последствия. Рассмотрим на примере судебного дела. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан рассмотрено гражданское дело о взыскании задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги. Между тем в резолютивной части апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан допущена описка: судебной коллегией вместо правильного «решение Салаватского городского

суда Республики Башкортостан оставить без изменения», указано «решение Салаватского городского суда Республики Башкортостан оставить без удовлетворения» [8].

Также следует обратить внимание на то, что действующим Гражданским процессуальным кодексом РФ не определен срок устранения ошибок и описок. Так, в соответствии с положениями ГПК РФ подобное исправление допустимо лишь только по результатам проведения судебного разбирательства по данному вопросу. Исходя из этого, предполагается, что указанная процедура представляется весьма долгой по времени. Предлагаем на законодательном уровне упростить процедуру устранения описок и иных ошибок, а именно без проведения судебного разбирательства (например, без извещения лиц, участвующих в деле) [9].

Безусловно выделенные и проанализированные проблемы, встречающиеся при реализации гражданского процессуального законодательства, являются неисчерпывающими и требуют своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.
2. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ // Российская газета. 2016. № 47.
3. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2017.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2019.
5. Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как требование стандартов справедливого правосудия // Закон. 2014. № 8. С. 114–118.
6. Неказаков В. Я. Некоторые суждения о совершенствовании гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 44–47.

7. Батурина Н. А. Проблемы института исправления описок и явных арифметических ошибок в судебных актах (на основе анализа судебной практики по гражданским делам) // Российский судья. 2015. № 12. С. 12–15.

8. Решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 10.04.2017 по делу 33-7370/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan-s/act-555293446> (дата обращения: 27.01.2020).

9. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2012.

© Пономарева Е. В.

© Курбанов Д. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 343.85(470)

Г. Ю. КАРИМОВА, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. YU. KARIMOVA, senior instructor of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

Э. Р. ГОЛУБЕВА, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. R. GOLUBEVA, assistant professor of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

FEATURES OF PREVENTION OF CRIMES AND ADMINISTRATIVE OFFENSES BY INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Аннотация. В статье рассматриваются особенности предупреждения преступлений и административных правонарушений. Выделяются два уровня предупреждения: общесоциальный и специально-криминологический. Среди субъектов предупредительной деятельности необходимо выделить специализированные и неспециализированные субъекты предупреждения, особое место среди которых занимают органы внутренних дел.

Ключевые слова и словосочетания: предупреждение, противодействие, превентивные меры, профилактика, государственная программа.

Annotation. The article deals with the features of prevention of crimes and administrative offenses. There are two levels of prevention: General social and special criminological. Among the subjects of preventive activity, it is necessary to distinguish specialized and non-specialized subjects of prevention, a special place among which is occupied by the internal Affairs agencies.

Keywords and phrases: prevention, counteraction, preventive measures, prevention, state program.

Одной из центральных проблем в деятельности правоохранительных органов является предупреждение и профилактика преступности, преступлений и административных правонарушений.

В юридической литературе все мероприятия или, вернее, вся совокупность мероприятий по недопущению преступлений и правонарушений называется по-разному. В основном именуется она как «предупреждение», но возможны и другие варианты, такие как «предотвращение», «профилактика», «пресечение». В работах прежних лет данные термины употреблялись как синонимы в программных и нормативных актах. Но есть и другая точка зрения о том, что эти понятия не являются равнозначными. Так, в первую очередь, речь идет о нормативных актах МВД России, в которых закрепились соответствующие определения. В 1960–1970 годах все меры по недопущению преступлений и правонарушений назывались термином «предотвращение». Но в последующем данный термин был заменен на «предупреждение» [1, с. 475].

В литературе высказывается мнение, что понятие «предупреждение» с понятием «профилактика» соотносится как род с видом. Профилактика рассматривается как одна из составных частей предупреждения, является наиболее важной и эффективной, способна предотвратить преступность в самом ее начале. Помимо понятия «профилактика преступлений» существуют еще определения «профилактика правонарушений», «социальная профилактика» [2, с. 39].

Особое значение имеет так называемая социальная профилактика, под

которой понимается широкий комплекс мер воздействия на причины, условия не только преступлений, но и всех социальных патологий, разных форм отклоняющегося поведения, таких как пьянство, наркотизм, проституция, хулиганство, суицид и многое другое, что нарушает не только правовые, но и моральные, а также иные нормы человеческого общежития. Сложно разработать единую систему социальной профилактики, однако выработке универсальных концептуальных подходов к преодолению, минимизации вредных последствий в последние годы уделяется больше внимания.

Применительно к правонарушениям и преступности, а также их отдельным видам, в интересах профилактики изучаются разнообразные объективные (внешние) и субъективные (внутренние) факторы – как по отдельности, так и в их сложных взаимодействиях; выявляются и исследуются как на макроуровне (при изучении преступности в целом), так и по конкретным делам об отдельных преступлениях антиобщественные взгляды, установки и привычки, потребности и интересы людей, мотивы их противоправного поведения, неблагоприятные условия нравственного формирования личности, действующие в семье, в школе и других типах социальной среды; анализируются, в сущности, неисчислимы конкретные жизненные ситуации криминогенного свойства, многообразные обстоятельства, способствующие преступлениям, облегчающие их совершение.

Немаловажное значение имеет и вопрос о субъектах профилактики преступлений и других правонарушений. Если рассматривать в широком смысле, то к

их числу следует относить всю систему государственных органов и общественных объединений, а также отдельно взятых граждан.

В современном мире граждане остаются субъектами профилактики, но в большей степени в связи с выполнением ими определенных социальных ролей (родители, законные представители, психологи, педагоги и др.).

Среди многообразия оснований для выделения классификаций остановимся подробнее на неспециализированных и специализированных субъектах профилактики. К первой категории относятся Президент России, все органы законодательной и исполнительной власти, органы местного самоуправления. На данные субъекты возложены, в первую очередь, самые важные вопросы и задачи, такие как определение нормативного и законодательного основания профилактики, весь комплекс прав и обязанностей остальных участников профилактической деятельности, планирование, координация, контроль за их работой и т. д.

Специализированные субъекты профилактики обладают полномочиями по борьбе с преступностью и другими правонарушениями, и это является их единственной и основной функцией. Среди данной категории можно выделить государственные и негосударственные субъекты. К негосударственным относятся добровольные народные дружины, общественные пункты охраны порядка, советы профилактики трудовых коллективов, внештатные сотрудники полиции и другие [3, с. 15].

Если говорить о государственных субъектах профилактики, то это система правоохранительных органов государства, наделенных полномочиями по осуществлению контроля за исполнением законов, привлечению к юридической ответственности виновных лиц. При этом предупреждение преступлений и других правонарушений по прямым указаниям закона относится к одной из основных их

функций. В системе правоохранительных органов особую значимость в профилактике преступлений и административных правонарушений приобретает сложная работа сотрудников органов внутренних дел.

Сама по себе профилактика может быть многоуровневой. В криминологии принято выделять общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный уровни предупреждения.

Общесоциальный уровень характеризуется социально-полезной деятельностью общества и государства, приводящей к уменьшению отрицательных явлений. Сама по себе такая деятельность не преследует цели борьбы с преступностью, но объективно ведет к уменьшению количества таких негативных социальных явлений, как нищета, безработица, беспризорность, повышает уровень культуры, нравственности. Общепрофилактическая же деятельность сотрудников органов внутренних дел заключается в изучении и анализе оперативной обстановки на обслуживаемой территории, информацию о которой получают путем личного наблюдения, общения с населением, рассмотрения жалоб, заявлений и сообщений, данных статистической отчетности, оперативно-разыскных, информационно-справочных и иных учетов, других сведений, имеющихся в органе внутренних дел.

Специально-криминологический уровень предупреждения преступлений и административных правонарушений направлен на выявление и устранение криминогенных факторов. Он представляет собой слаженную эффективную деятельность всех субъектов профилактики правонарушений и преступлений. Мероприятия, входящие в специально-криминологический уровень, проводятся в отношении различных социальных групп, типов преступного поведения.

Индивидуальный уровень предупреждения противоправных деяний конкретизирует общесоциальный и

специально-криминологический уровни предупреждения применительно к отдельным группам или отдельному лицу, поведение которых позволяет прогнозировать возможность совершения преступления в будущем. Индивидуально-профилактические меры осуществляются и в отношении ранее судимых лиц. Целью применения таких мер является устранение негативного воздействия на конкретного человека, отличающегося склонностью к антиобщественному поведению, а также пресечение готовящихся преступлений и попыток их совершить.

Среди многообразия нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел по предупреждению и профилактике преступлений и административных правонарушений, а также преступности в целом, остановимся подробнее на одном из них. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 утверждена государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», ответственным исполнителем которой является Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Одной из основных целей данной программы является повышение качества и результативности противодействия преступности. Государственная программа реализуется в один этап в период с 1 января 2013 г. по 31 декабря 2024 г. Анализ результатов годовых отчетов о ходе реализации программы показал ее эффективность. Рассмотрим это на примере имеющихся статистических данных за 2019 год. Так, в 2019 году на территории Российской Федерации зарегистрировано 2024,3 преступлений, что несколько выше, чем за аналогичный период прошлого года (+1,6 %). До 2019 года ежегодно наблюдался спад количества зарегистрированных преступлений на территории России. Увеличение количества зарегистрированных преступле-

ний за анализируемый период повлекло за собой увеличение количества тяжких и особо тяжких посягательств с 22,5 % до 24,4 %. 53,5 % всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества, среди которых, кражи – 774,2 тыс. (+2,3 %), мошенничества – 257,2 тыс. (+19,6 %), грабежи – 45,8 тыс. (–8,6 %), разбои – 6,7 тыс. (–9,8 %), кроме того, снизилось количество квартирных краж (13 %). Проанализировав имеющиеся статистические данные, мы видим положительную динамику снижения количества наиболее опасных форм хищения, которые совершаются с причинением насилия как опасного, так и не опасного для жизни человека. Также положительная динамика наблюдается и в снижении количества преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (–3,3 %), выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (–6,8 %).

В 2019 году сократилось количество зарегистрированных экологических преступлений (–7 %), преступлений экономической направленности (–4,1 %), преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (–5 %), преступлений экстремистской направленности (–53,8 %). Приведенные статистические данные свидетельствуют о ряде положительных тенденций в противодействии преступности.

Относительно безопасности дорожного движения, как одной из целей реализации государственной программы, можно отметить сохранившуюся положительную динамику снижения количества аварий на дорогах. По сравнению с прошлым годом, число дорожно-транспортных происшествий уменьшилось на 3,5 %, а число погибших – на 9,4 %.

В отчетном году обеспечено определенное положительное влияние результатов реализации Государственной программы на достижение показателей (индикаторов) ряда документов страте-

гического планирования, положенных в ее основу, в частности Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р. Так, социальный риск гибели в дорожно-транспортных происшествиях, выраженный в числе погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 100 тыс. населения, должен снизиться до 10,9 в 2020 году.

В ходе реализации мероприятий федеральной целевой программы осуществляется комплексное воздействие на причины и условия, способствующие снижению количества дорожно-транспортных происшествий, повышению дисциплины водителей транспортных средств и пешеходов, совершенствованию системы оказания помощи пострадавшим. В результате предпринятых мер значение показателя «Социальный риск (количество лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, в расчете на 100 тыс. населения)» в 2019 г. составило 11,7 условных единиц.

Снижение смертности от дорожно-транспортных происшествий внесло определенный позитивный вклад в достижение национальной цели развития Российской Федерации по «обеспечению устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации и повышению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)», определенной основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утвержденными Правительством Российской Федерации 29 сентября 2018 г.

Помимо вышесказанного, в истекшем году, значительное внимание было уделено:

- вопросам организации предварительного расследования в органах внутренних дел путем совершенствования

уголовно-процессуального законодательства и его правоприменительной практики;

- реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обеспечения экономической безопасности;

- осуществлению комплекса мероприятий организационного и практического характера, которые направлены на повышение эффективности противодействия экстремистским проявлениям;

- мероприятиям, направленным на совершенствование нормативных, организационных и технических основ в области обеспечения безопасности дорожного движения;

- активизации усилий по совершенствованию государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграционных отношений;

- мониторингу общественного мнения о деятельности органов внутренних дел в каждом субъекте Российской Федерации и т. д.

Подводя итог, необходимо отметить, что эффективность реализации государственной программы оценивается в зависимости от значений оценки степени ее реализации и оценки эффективности реализации входящих в нее подпрограмм (федеральных целевых программ) и может быть высокой, средней, удовлетворительной либо неудовлетворительной.

Учитывая вышеизложенное, приходим к выводу, что эффективность реализации государственной программы может быть оценена как «высокая» на основе анализа имеющихся статистических данных [4].

Таким образом, в предупреждении преступлений и административных правонарушений большую роль играет не только слаженная работа субъектов профилактики на всех уровнях, но и правовая регламентация их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. М., 2011. Т. 1: Общая часть. 1003 с.
2. Казак Б. Б., Михайлова Н. В., Столяренко В. М. Об организации профилактики правонарушений органами внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 39–42.
3. Затолокин А. А. Противодействие экстремизму в деятельности подразделений полиции: учебно-практическое пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. 40 с.
4. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 06.02.2020).

© Каримова Г. Ю.

© Голубева Э. Р.

УДК 343.12:343.143(470)

В. С. ЛАТЫПОВ, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

V. S. LATYPOV, deputy chief of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

НУЖЕН ЛИ ПОНЯТОЙ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ?

DOES RUSSIA NEED A LAWYER IN THE MODERN CRIMINAL PROCESS?

Аннотация. Автором в статье рассматривается процессуальный статус понятого, его функциональная принадлежность. Институт понятых является одним из самых стабильных уголовно-процессуальных институтов. Содействие, оказываемое понятыми в ходе уголовного процесса, направлено на удостоверение факта производимых процессуальных и следственных действий, осуществляемых властными субъектами уголовного процесса. На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства России, зарубежных стран, имеющих в теории уголовного процесса научных исследований, сформулирована авторская позиция относительно необходимости сохранения процессуальной фигуры понятого в современном уголовном процессе России, недопустимости подмены присутствия «народного элемента» в ходе производства следственных действий техническими устройствами, которые не смогут заменить человеческое внимание. Предложено внесение отдельных изменений в существующий процессуальный статус понятого, направленных на совершенствование требований, предъявляемых к понятым и к расширению их прав и обязанностей.

Ключевые слова и словосочетания: понятой, содействие правосудию, иные участники процесса, уголовный процесс, досудебное производство, предварительное следствие, следственное действие.

Annotation. *The author considers the procedural status of the concept and its functional affiliation. The Institute of witnesses is one of the most stable institutions of criminal procedure. Assistance provided by witnesses in the course of criminal proceedings is aimed at verifying the fact of procedural and investigative actions carried out by the authorities of the criminal process. On the bases of analyze the current criminal procedure legislation of Russia and foreign countries, the author's position concerning preservation the procedural figure of the witness in the modern criminal process in Russia is formulated. It is unacceptable to replace the presence of the «people's element» in the course of investigative actions with technical devices that can not replace the human attention. It is proposed to make separate changes for the existing procedural status of the witness, aimed at improving the requirements imposed on the witnesses and expanding their rights and responsibilities.*

Keywords and phrases: *witness, assistance to justice, other participants of the process, criminal procedure, pre-trial procedure, preliminary investigation, investigative action.*

Современный уголовный процесс можно представить, как деятельность государственных органов и должностных лиц, наделенных властными полномочиями, направленными на раскрытие и расследование преступлений, сбор доказательств, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, и направление сформированного уголовного дела в суд. Указанная деятельность регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства с момента поступления информации о совершенном преступлении до принятия по уголовному делу справедливого законного и обоснованного решения, а зачастую и после такого решения, где речь идет об исполнении приговора или обжаловании решений суда.

Вместе с тем важно заметить, что помимо указанных государственных органов и должностных лиц, которые, как правило, реализуют в уголовном процессе России функцию обвинения тех, кто отнесен законодателем к стороне защиты, в уголовно-процессуальные отношения вовлекаются и другие лица, не заинтересованные в исходе уголовного дела, которые не отстаивают самостоятельные интересы, но в силу определенных обстоятельств являются участниками уголовного процесса. Речь идет о тех, кто оказывает содействие отправлению правосудия. Категорию этих участников не следует путать с теми, кто оказывает содействие органам, осуществляющим

оперативно-разыскную деятельность в рамках главы VI Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Содействие отправлению правосудия оказывают те, кого законодатель объединил в главе 8 УПК РФ. Конституция РФ провозглашает, что правосудие осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118 Конституция РФ), но в то же время наделяет правом граждан принимать участие в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституция РФ).

Традиционно к лицам, оказывающим содействие правосудию в уголовном процессе принято относить эксперта, специалиста, свидетеля, переводчика и понятого. Следует отметить, что Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ к данной категории законодатель отнес и новую процессуальную фигуру – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ) [1].

Не умаляя значимости перечисленных участников уголовного судопроизводства, заметим, что именно процессуальная фигура понятого в последнее время в теории уголовного процесса вызывает повышенный интерес. Полагаем, что такого внимания понятой «удостоился» после высказанной в 2011 г. позиции Д. А. Медведева, который отметил, что институт понятых является «рудиментом

прошлого» и может быть успешно заменен видеофиксирующими устройствами [2]. Предлагаем в рамках настоящего исследования проанализировать генезис института понятого в уголовном процессе, определить его роль и значение для современного уголовного судопроизводства, рассмотреть процессуальный статус и выявить возможные пути развития данного представителя лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия.

Разделяя позицию М. А. Пешкова [3], отметим, что институт понятого, является одним из самых древних процессуальных институтов, который впервые нашел законодательное закрепление в Соборном уложении 1649 г. [4], более раннее упоминание лиц, оказывающих содействие правосудию удостоены только свидетели (послухи, видоки) и переводчики (толмачи) в Русской Правде (X–XIV вв.). Вероятнее всего, слово «понятой» происходит от глагола «паять», «скреплять» (в нашем случае – доказательства. Данное утверждение не претендует на истину и является дискуссионным). Далее с развитием общественных отношений и совершенствованием законодательства регламентирующий уголовное судопроизводство понятой как обязательный участник уголовного процесса находит свое отражение в принимаемых нормативных актах: Свод законов Российской империи 1835 г. [5], в котором отмечено привлечение понятых при производстве допроса с целью достоверной передачи показаний допрашиваемого и ограждении от принуждения к данным показаниям. Позднее Устав уголовного судопроизводства 1864 г. в ст. ст. 108, 109, 320 закрепил требования, предъявляемые к понятым. Так, в соответствии со ст. 108 «Осмотры, освидетельствования и обыски производятся в присутствии не менее двух понятых и тех участвующих в деле лиц, которые явятся к сим действиям без предварительного вызова», а в ст. 320 в качестве понятых подлежало приглашать лиц «из ближайших жите-

лей: в городах – хозяева домов, лавок, промышленных и торговых заведений, а также их управляющие и поверенные; в местечках и селениях кроме вышеупомянутых лиц – землевладельцы, волостные и сельские должностные лица и церковные старосты. В случаях, не терпящих отлагательства, судебный следователь может пригласить и другие лица, пользующиеся общественным доверием» [6]. Данный закон впервые формулирует требования, предъявляемые к категории понятых: во-первых, указано их количество, которое не должно быть менее двух; во-вторых, они должны проживать неподалеку от проводимых следственных действий или расследования; в-третьих, должны пользоваться общественным доверием. Они приглашаются для удостоверения факта проводимого следственного действия, и суд доверяет понятым.

Даже произошедшие в начале XX в. в стране кардинальные политические преобразования, положившие конец самодержавию, не привели к серьезным изменениям в процессуальных функциях понятого и предъявляемым к нему требованиям. В данной связи Ю. М. Аксютин отмечает: «... сменилась элита и идеология, однако без изменений остались социокультурная система, ценности и потребности. Империя переживает «второе издание», и одним из многочисленных свидетельств тому является сохранение института понятых» [7, с. 140]. Действительно, в УПК РСФСР 1923 г. и УПК РСФСР 1960 г. сохранились требования, предъявляемые к понятым, менялся лишь перечень следственных действий, в которых требовалось обязательное их участие. Просуществовав практически четыре века, предназначение понятого в уголовном процессе не изменилось, как и не претерпело изменение название самого участника процесса.

Что примечательно, понятой как участник процесса знаком не только с уголовно-процессуальной отраслью права.

Так, привлечение понятого для удостоверения факта совершенных в его присутствии процессуальных действий, их содержания и результатов закреплено в ст. 25.7 КоАП РФ. Для аналогичных целей понятые привлекаются при осуществлении налогового контроля (ст. 98 Налогового кодекса РФ [8] и в ходе исполнительного производства (ст. 59 Федерального закона об исполнительном производстве [9]). Так, в соответствии с УПК РФ 2001 г. понятой привлекается в уголовный процесс дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия (стр. 60 УПК РФ).

Для обеспечения должного участия в уголовном судопроизводстве закон предусмотрел ряд ограничений, наличие которых не допускает вовлечение отдельно взятого лица в производство следственных действий в качестве понятого. К таким ограничениям отнесены: их незаинтересованность; несовершеннолетие кандидатов в понятые; наличие статуса участника уголовного судопроизводства (хотя законодатель и не конкретизирует, но полагаем, что речь идет о наличии статуса именно по тому уголовному делу, в рамках которого и проводится следственное действие), близкое родство и родство участникам процесса; наличие статуса работника органов исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования (чч. 1 и 2 ст. 60 УПК РФ).

В то же время понятой как участник уголовного судопроизводства имеет определенные законом права, среди которых в указанной норме закреплено право на: участие в следственном действии и возможность заявления замечаний, подлежащих занесению в протокол; ознакомление с протоколами следственного действия, в котором он принимал участие; заявление жалоб на действия

(бездействие) и решения властных субъектов уголовно-процессуальных отношений, ограничивающих его права (ч. 3 ст. 60 УПК РФ).

Как и для любого самостоятельного участника уголовного процесса, для понятого закон предусмотрел обязанности, невыполнение которых влечет привлечение его к соответствующему виду ответственности. К обязанностям понятого в соответствии с ч. 4 ст. 60 УПК РФ отнесено: являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд; не разглашать данные предварительного расследования, которые стали ему известны в связи с участием в следственном действии.

Безусловно, для участия столь необходимого для уголовного судопроизводства лица, оказывающего неоценимую помощь в отправлении правосудия, прав и обязанностей, указанных в анализируемой норме недостаточно. Но об этом позднее. Прежде предлагаем рассмотреть, для производства каких следственных действий законодатель предусмотрел обязательное участие понятых.

На момент принятия УПК РФ 2001 г. обязательное участие понятых предусматривалось при производстве осмотра (ст. 177 УПК РФ), осмотра трупа, эксгумации (ст. 178 УПК РФ), следственном эксперименте (ст. 181 УПК РФ), обыске (ст. 182 УПК РФ), выемке (ст. 183 УПК РФ), осмотре, выемке и снятии копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185 УПК РФ), осмотре и прослушивании фонограммы (ч. 7 ст. 186 УПК РФ), предъявлении для опознания (ст. 193 УПК РФ) и проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ).

В настоящее же время в соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК РФ понятые в обязательном порядке привлекаются для производства таких следственных действий, как обыск (ст. 182 УПК РФ), личный обыск (ст. 184 УПК РФ), проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Примечательно, что данная норма до сих пор содержит ссылку на

ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, которая регламентировала производство выемки электронных носителей с участием специалиста, но уже с декабря 2018 года исключена законом как утратившая силу [10].

Далее отметим, что ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ перечисляет следственные действия, привлечение понятых к которым допустимо, но не является обязательным и отдано на откуп следователю, равно как и в ч. 2 указанной нормы. В ней отражено, что для производства остальных следственных действий понятые не обязательны, но могут быть привлечены, если такое решение будет принято следователем.

По факту на сегодняшний день необходимость участия понятых остается лишь при производстве трех следственных действий, а также при производстве которых может быть принято решение о недопустимости их привлечения. Речь идет о случаях, предусмотренных в ч. 3 ст. 170 УПК РФ: наличие опасности для жизни и здоровья понятого; труднодоступная местность и отсутствие надлежащих средств сообщения. В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов.

В свою очередь, анализ зарубежного уголовно-процессуального законодательства позволил выявить следующее: уголовно-процессуальный институт понятого не знаком западным моделям уголовного процесса. Его нет и в англо-американской модели уголовного процесса, но в то же время остается в нормах уголовного процесса отдельных стран, некогда союзных республик бывшего СССР. Среди таковых следует отметить Республику Азербайджан, Республику Армению, Республику Казахстан, Республику Белоруссию и Республику Таджикистан. Отчасти это можно объяснить преемственностью национального законодательства норм УПК РСФСР 1960 г., но мы считаем, что существующая отра-

ботанная, а главное эффективная практика не может не перениматься в современных суверенных государствах.

С нашей позицией согласны не все, и в современной теории уголовного процесса и в других отраслях права встречаются исследования, в рамках которых ученые и правоприменители пытаются нивелировать роль и значение понятых [11–15]. Не вдаваясь в детальный анализ исследований каждого автора в отдельности, отметим, что высказанные претензии к понятым можно систематизировать и разделить на две группы: морально-этического и организационно-правового характера. Как правило, к претензиям морально-этического характера чаще всего относятся высказывания о том, что общественный контроль в уголовном процессе устарел, а наличие понятых представляет собой презумпцию виновности лица, производящего следственные действия.

Посмеем себе не согласиться с данными замечаниями, по той простой причине, что привлечение понятых является не единственным уголовно-процессуальным институтом, представляющим возможность вовлечения в уголовный процесс население страны, представителей общества. К примеру, коллегия присяжных заседателей, привлекаемых для вынесения вердикта в судебном процессе также формируется из числа простых граждан, вовлекаемых в уголовный процесс путем случайной выборки. И стоит заметить, что в институт присяжных заседателей законодатель совсем недавно внес изменения, позволившие увеличить количество судов, которым разрешено проводить разбирательства с их участием. Применительно к утверждению о том, что наличие понятых изначально предполагает возможность нарушения властными субъектами норм уголовного процесса, заметим, что понятые своими показаниями подтверждают законность и обоснованность принимаемых решений и позволяют избежать необоснованных

обвинений в нарушении законности. Полагаем, понятого следует рассматривать как дополнительного гаранта законности как для стороны защиты, так и для стороны обвинения.

Рассмотрим претензии организационно-правового характера. К ним следует относить: 1) отказ граждан от участия в следственных действиях в качестве понятых; 2) отсутствие возможности установить личность и местонахождение понятых, вовлекаемых для производства следственного действия без документов, удостоверяющих личность; 3) правом привлечения понятых наделены только следователи и дознаватели, что позволяет им осуществить подбор необходимых кандидатов в качестве понятых, имеющих определенную заинтересованность или зависимое положение; 4) понятой и видеофиксирующие устройства реализуют одну и ту же функцию – удостоверение факта проводимого следственного действия.

Итак, применительно к вопросу об отказе населения принимать участие в производстве следственных действий в качестве понятых следует заметить, что причин может быть несколько: во-первых, нежелание безвозмездно тратить свое личное время; во-вторых, опасение за свою жизнь и здоровье, поскольку оказывалось содействие правоохранительным органам. Следователям (дознавателям) следует определить, чем конкретно вызван отказ от участия в следственном действии и разъяснить гражданам, что закон предусматривает возможность возмещения расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс лиц, содействующих отправлению правосудию (ст. 131 УПК РФ, постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 [16]), а также обеспечивает безопасность участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 11 УПК РФ, Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ [17]).

Далее, применительно к установлению личности и местонахождения по-

нятого, вовлекавшегося к производству следственного действия, должностному лицу следует профилировать такие ситуации и не вовлекать в уголовный процесс лиц, не имеющих возможности подтвердить свою личность. В исключительных случаях следует фиксировать номер сотового телефона понятого и более тщательно подходить к подготовительной части проводимых следственных действий.

Полагаем, что следующее замечание не имеет юридических оснований, поскольку лица, привлекаемые к участию в проводимых следственных действиях имеют право в рамках ст. ст. 60, 61 УПК РФ заявить отвод понятому в связи с его заинтересованностью. Указанное право следователь обязан разъяснить участникам до начала производимого следственного действия (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Частично соглашаясь с последним замечанием организационно-правового характера, хотелось бы заметить, что полный отказ законодателя и правоприменителей от понятых и замена их видеофиксирующими устройствами преждевременны. Зачастую показания понятого, полученные при производстве допроса, являются единственным источником доказательств по уголовному делу. Более того, в настоящее время ни одно техническое устройство не способно по окончании следственного действия сделать замечание или задать уточняющий вопрос, а современная уголовно-процессуальная деятельность немыслима без участия общественного элемента.

Результаты проведенного нами в 2019 г. анкетирования сотрудников следственных подразделений и органа дознания по вопросу необходимости упразднения института понятых позволили установить, что 52,3 % опрошенных высказалось за необходимость сохранения понятых, как гарантов производимых следственных действий. Более того, из высказавшихся сохранить институт

понятых 63,8 % заявили, что привлекают понятых не только для производства следственных действий, указанных в ч. 1 ст. 170 УПК РФ, но и для других процессуальных мероприятий. Что не может не свидетельствовать о преждевременности отказа от данного процессуального института.

Приведем пример значимости понятого из личной следственной практики. Так, в 2010 году при производстве обыска в квартире подозреваемого Т. по делу о краже были обнаружены похищенные вещи. Когда уже собирались покинуть место проживания К., один из понятых обратил внимание на небольшой пакет с веществом белого цвета, торчащим из шкафчика кухонной тумбочки. Позже было установлено, что обнаруженное вещество являлось наркотическим, и, помимо кражи, гражданину К. был вменен новый состав преступления. В данном случае следует отдать должное бдительности понятого, позволившей провести качественное следственное действие. И таких примеров достаточно.

Хотелось бы отметить, что встречающиеся в научной литературе замечания, относящиеся к моральным качествам и ответственности понятых, должны разрешаться на этапе подбора и привлечения этих участников процесса. Недопустимо по единичным случаям оценивать весь процессуальный институт. Судебно-следственная практика насыщена примерами безответственного и непрофессионального поведения защитников, вовлекаемых в уголовный процесс в рамках ст. 51 УПК РФ, но это не позволяет нам рассматривать всех назначаемых го-

сударством защитников в таком ключе и уж тем более их упразднять.

Как видим, имеющиеся в юридической литературе критические замечания, высказанные в адрес института понятых не выдерживают конструктивной критики и не имеют под собой юридических оснований. Понятой для отечественного уголовного процесса является не устаревшим институтом, а достоянием, доставшимся нам практически в неизменном виде, сохранившимся сквозь века.

Вместе с тем полагаем, имеющиеся замечания следует рассматривать как сигнал к оптимизации и совершенствованию института понятых в современном уголовном процессе России путем внесения ряда изменений в его процессуальный статус. Так, в частности, следует расширить перечень лиц, которые не могут привлекаться в качестве понятых. К таковым следует отнести лиц, имеющих физические или психические недостатки, участников уголовного судопроизводства и находящихся с ними в родстве, в подчиненном, подконтрольном или зависимом состоянии, а также не имеющих постоянной регистрации по месту производства расследования. Кроме того, следует в определяющей статус понятого норме закрепить его право на возмещение расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс, а также на личную безопасность и безопасность своих родных и близких. На основании изложенного предлагается внести соответствующие изменения и дополнения в ст. 60 УПК РФ, что позволит институту понятых выйти на новый виток в процессуальном развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латыпов В. С. Новелла процессуального законодательства или новый этап развития института содействия правосудию // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (36). С. 213–218.

2. Дмитрий Медведев: институт понятых – рудимент прошлого // Эхо Москвы. 2011. 27 октября. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/824559-echo> (дата обращения: 25.01.2020).
3. Пешков М. А. Участие понятых в некоторых следственных действиях в уголовном процессе Российской Федерации стало необязательным // Новый юридический журнал. 2013. № 3. С. 162–167.
4. Соборное уложение от 29 января 1649 г. // Классика Русского Права. 2020. URL: <http://base.garant.ru/57791500> (дата обращения: 26.01.2020).
5. Свод законов Российской империи. Т. XV // Классика Русского Права. 2020. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229> (дата обращения: 26.01.2020).
6. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Классика Русского Права. 2020. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 26.01.2020).
7. Аксютин Ю. М. Традиционные имперские правовые институты демократической России (на примере института понятых) // Современное право. 2011. № 3. С. 137–140.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
9. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
10. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.
11. Дубинина С. В. Участие понятых в процессе проведения некоторых следственных действий с участием несовершеннолетних // Законность. 2012. № 4. С. 47–49.
12. Желтобрюхов С. П. О необходимости упразднения института понятых // Российская юстиция. 2018. № 2. С. 51–54.
13. Михайлов А. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 29–31.
14. Овчинников Ю. Актуальные вопросы института понятых в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовное право. 2008. № 2. С. 108–112.
15. Тимошенко И. В. Понятой как участник административно-юрисдикционного производства: миф или реальность? // Lex russica. 2018. № 5. С. 85–96.
16. О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50. Ч. 6. Ст. 7058.
17. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. № 182.

© Латыпов В. С.

УДК 343.293(470)

Б. З. МАЛИКОВ, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

B. Z. MALIKOV, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Ufa)

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ «ОБ АМНИСТИИ»

ABOUT LEGAL NATURE OF THE DECREE OF THE STATE DUMA «ABOUT AMNESTY»

Аннотация. Материал статьи посвящен проблеме оценки правовой природы амнистии, вопросам регламента процедуры применения амнистии, ее социальному значению, соотношению акта амнистии и закона в теории права.

Ключевые слова и словосочетания: амнистия, уголовно-правовое преследование, осужденный, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, наказание, судимость, акт амнистии, нетипичный закон.

Annotation. The article is devoted to the problem of assessing of legal nature of amnesty, rules of procedure for applying amnesty, its social significance, relationship between the amnesty act and the law in the theory of law.

Keywords and phrases: amnesty, criminal prosecution, a convicted person, suspects and accused of committing crimes, punishment, criminal record, an amnesty act, an untypical law.

Конституция Российской Федерации определяет, что к предмету ведения Российской Федерации относится объявление в стране амнистии (п. «о» ст. 71). Амнистия – акт государства о прекращении применения государственного преследования к лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, а также к осужденным к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, виновным в совершении преступлений. Таким образом, Конституция Российской Федерации является основным нормативным правовым источником института амнистии. Тем самым, акт амнистии имеет черты прямой государственной юрисдикции, конституционной нормативности, определенности уровня и формата выражения содержания этого проявле-

ния доброй воли и благожелательности в отношении лиц, совершивших преступления в интересах их исправления. Акт амнистии, кроме материальной правовой основы, включает в себя и регламент процедур исполнения акта амнистии, а также принятие решения компетентными органами о применении амнистии и ее исполнении.

Амнистия ориентирована на сочетание интересов правосудия, реализацию принципов гуманизма, законности, «экономии» репрессии (с точки зрения достаточности применения принуждения и сокращения материальных затрат государства на уголовно-исполнительную деятельность, содержание осужденных в исправительных учреждениях) и формирование «позитивных» предпосылок

для успешной ресоциализации осужденных, их социальной постпенитенциарной адаптации. Более того, амнистия преследует и цели воспрепятствовать возрастанию социальной деформации, уровня отторжения и дезадаптации лиц, изолированных от общества, «гашения» пенитенциарного негатива бывших «сидельцев». Она призвана блокировать у них стремления к противоправному поведению и усиливать социальную мотивацию к добропорядочному образу жизни и позитивному поведению.

Амнистия для осужденных к лишению свободы может служить своего рода «коридором смягчения» социально-психологического их напряжения при переходе из состояния физической изоляции от общества и принуждения к пребыванию в социуме криминально-тюремной субкультуры. Не случайно Г.Ф. Хохряков отмечал, что наказание в виде лишения свободы само по себе зло. Пусть вынужденное, но зло. Общество пока не придумало ничего другого, что могло бы заменить этот вид наказания. Но оно должно осознать его ущербность [1, с. 6]. Мы не возражаем против такой оценки процедуры исполнения указанного вида наказания. Одним из механизмов преодоления «такого зла» лишения свободы является амнистия как стимул стремления осужденных к правомерному поведению. Ведь амнистия как правовой институт стала широко и на постоянной основе применяться с первых лет советской власти в России и СССР. За десятилетия применения она обрела свою вполне определенную правовую сущность, цели, процедурность, социальную полезность, встроенность в систему правосудия и организацию правоохраны.

Социальное значение амнистий в советский период было обусловлено тем, что трудящиеся массы, с одной стороны, были ввергнуты в хаос социальной дезорганизации, братоубийственной гражданской войны, неупорядоченности изъятия частной собственности и процедур ее пе-

редачи в собственность государства, возрастания уровня нищеты и социальной неопределенности значительной части населения России, голода, безработицы, классовой неприязни. Все эти негативные обстоятельства подталкивали к межличностным эксцессам, противодействию власти, посягательствам на чужую собственность, насилию. С другой стороны, в силу своей слабой профессиональной и общекультурной состоятельности, низкой способности к осуществлению целого ряда государственных функций, при отсутствии должной системы государственного и общественного контроля, пребывания длительного времени в условиях действия органов ВЧК, системы трибуналов, слабой системы судов и органов прокуратуры, действия некодифицированного уголовного законодательства (1917 – 1922 гг.) трудящиеся совершали антиобщественные действия, дезертирство (военнослужащие), вовлекались в криминальные группы и контрреволюционные выступления. По этой причине достаточно массово рабочие, крестьяне, служащие, представители бывшего чиновничества, царской армии, полиции, казачества, священнослужители и лица из других слоев и сословий достаточно активно привлекались к уголовной ответственности и наказанию, что не отвечало интересам пролетарского государства, смыслу организации власти и социалистического уклада жизни, законности и правопорядка государства и власти трудящихся.

Принуждать правонарушителей и преступников к новому правопорядку и правомерному поведению с помощью уголовно-правового принуждения было вынужденной и необходимой мерой советской власти, как и любого другого государства. Вместе с тем первая Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятая и введенная в действие в первый год Советской власти, закрепляла в качестве проявления доброй и

гуманной воли государства механизм снижения антикриминальной репрессии и прекращения уголовного преследования. Таким государственным правовым механизмом стал конституционный институт амнистии. Он был закреплен в п. «с» ст. 49 Конституции РСФСР 1918 г. в качестве одного из основных направлений деятельности общегосударственного значения, отнесенных к предмету ведения Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов [2]. Объявление амнистии стало прерогативой высших органов государственной власти РСФСР [3, 4, 5] и СССР [6, 7, 8].

Постановлением Шестого Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов «Об амнистии» от 6 ноября 1918 г. было объявлено о проведении первой в Советской России частичной амнистии [9]. Амнистия предусматривала освободить от уголовного преследования задержанных органами борьбы с контрреволюцией: 1) лиц, которым в течение двух недель с момента задержания не было предъявлено обвинения; б) заложников (с частичным освобождением из-под стражи); в) осужденных, не представляющих опасности для Республики (предусматривается досрочное освобождение от наказания).

По смыслу Постановления амнистии подлежали лица, подвергнутые уголовно-правовому преследованию и осужденные. Само постановление об объявлении амнистии обладало достаточно значимой юридической силой с учетом того, что оно было принято высшим органом государственной власти. Сроки проведения амнистии определялись достаточно краткие: немедленное освобождение из-под стражи и прекращение производства дела, а в целом списки лиц, подлежащих амнистированию, должны были быть пересмотрены в течение двух недель со дня получения на местах извещения об амнистии.

В 1919 г. в условиях гражданской войны в стране были проведены одна об-

щая и две частичные амнистии. Решения о их применении принималось в рамках своей компетенции изданием ВЦИК Постановлений. Принципиально такие решения по смыслу и содержанию ничем не отличались друг от друга. Наиболее явное отличие было лишь в Постановлении ВЦИК от 25 апреля 1919 г. в п. 3, норма которой предписывала Президиуму ВЦИК в 3-х дневный срок выработать и разослать соответствующим учреждениям инструкцию по исполнению и проведению в жизнь настоящего постановления [10]. Такая Инструкция «О порядке применения частичной амнистии» была принята 4 мая 1919 года [11]. Она мало чем отличалась по содержанию от самого выше отмеченного текста Постановления ВЦИК. В ней были уточнения по поводу толкования понятия вынужденного или принудительного участия трудящихся в контрреволюционных выступлениях. Нормы Инструкции рекомендовали учитывать всем Чрезвычайным Комиссиям и всем Революционным Трибуналам Республики по делам о контрреволюционных выступлениях против рабоче-крестьянской власти следующие обстоятельства: 1) эти выступления носили массовый неорганизованный характер; 2) сопровождалось участием в них местного населения; 3) или хотя бы и носили организованный характер, но сопровождалось участием в них местного населения, насильно вовлеченного в таковые белогвардейскими или контрреволюционными элементами. При наличии указанных обстоятельств им предписывалось:

1. Немедленно освободить из-под стражи с полным прекращением дел о них из привлеченных к следствию и суду рабочих и крестьян, относительно которых не может быть признана доказанной, по данным следствия, их деятельность в качестве организаторов, зачинщиков или главарей движения.

2. Пересмотреть списки осужденных за участие, организацию или подготовку таковых в контрреволюционных вы-

ступлениях с тем, чтобы освободить от наказания тех из осужденных рабочих и крестьян, в отношении которых трибуналами не была признана виновность в качестве организаторов, зачинщиков или главарей движения.

3. Обеспечить пересмотр списков как осужденных, так и списков привлеченных к следствию по делам, которые еще не дошли до судебного разбирательства, закончить работу в течение двух недель со дня получения на местах настоящего извещения.

На протяжении советской практики применения в России амнистии этот институт претерпевал определенные изменения в связи с принятием новых Конституций РСФСР и СССР, установления структуры новых органов власти, совершенствования уголовного законодательства и практики уголовно-правового преследования. Однако основным правовым источником применения амнистии по-прежнему оставалась Конституция России, и основанная на ее предписаниях властная, правотворческая и организационная деятельность государства. Особенность такого правотворчества заключалась в том, что оно осуществлялось в инициативном порядке и в связи со значимыми для государства и общества обстоятельствами (периодичность и нормативная предопределенность отсутствовала), строгой нормативной формы акта амнистии не было предусмотрено. Практика выработала структурные составляющие нормативных документов о применении амнистии: а) основной регламент содержался в постановлениях и указах об объявлении амнистии; б) процедурный регламент отражался в инструкциях и постановлениях о порядке применения амнистии. Амнистия преследовала цели: а) ориентировать на позитив событий общегражданской и государственной важности широкие слои населения, включая лиц, подвергнутых уголовно-правовому преследованию, их родственников; б) переформатировать в

позитивном ключе деятельность правоохранительных органов, судов, органов, исполняющих наказания; в) продемонстрировать единство социальных интересов государства, общества и всех трудящихся, включая лиц, подвергнутых уголовно-правовому преследованию.

В постсоветский период Конституцией Российской Федерации 1993 г. [12] амнистия была определена в качестве одного из правомочий государства, отнесенных к предмету ведения Российской Федерации, и ее объявление является компетенцией Государственной Думы (п. «ж» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ). Таким образом, амнистия является государственной формой процедуры прекращения уголовно-правового преследования, либо смягчения наказания, снятия судимости в отношении неперсонифицированного круга лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных, лиц, имеющих судимость. До принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. понятие (ее признаки) и содержание (ее процедуры) определялись, как отмечено выше, только нормами Конституции РСФСР и СССР, а также постановлениями, указами органов власти, правомочными ее объявлять. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1977 г. № 6500-IX была объявлена амнистия в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции [13], а Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от СССР от 04.11.1977 № 6501-IX определен порядок исполнения выше отмеченного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1977 г. [14].

Такая амнистия является актом доброй воли государства, общества и граждан России, так как он представляет собой неотъемлемую и важную часть реализации властных полномочий и компетенций, получивших одобрение и поддержку народа путем референдума — формы приятия Конституции России.

Институт амнистии можно рассматривать и оценивать как взаимодействие или пересечений двух ветвей власти: законодательной и судебной. Постановление Государственной Думы об объявлении амнистии обладает должной юридической силой, ограниченной и строго очерченной направленностью своего действия, обозначенным вполне определенным в нем кругом лиц (подозреваемые и обвиняемые в совершении преступления, осужденные, лица, отбывшие наказания, имеющие судимость), на которых она распространяет свое действие, имеет свой предмет правового регулирования, – выверенной практикой применения амнистий (общественные отношения в сфере реализации уголовной ответственности и наказания), методом правового регулирования (императивный, диспозитивный и поощрения, сочетание интересов государства, общества и лиц, подвергнутых уголовно-правовому преследованию).

По субъекту издания акта об объявлении амнистии, по кругу лиц, чьи интересы таковая затрагивает, по времени действия, юридической силе (нормативности, срока применения) этот акт схож с формой Закона. Отдельные исследователи правовой природы амнистии подобные правовые акты государства приравнивают к форме нетипичного федерального закона [15, с. 211–220]. Доводы в пользу такой оценки таковы: «Их нетипичность отражается в нескольких свойствах: 1) данные федеральные законы подписывает не Президент РФ, а Председатель Государственной Думы РФ; 2) этот законодательный акт регулирует общественные отношения, которые должны возникнуть в будущем, в силу чего имеют обратную силу, определяют правовые последствия событий, произошедших в прошлом [16, с. 57]. По материальному содержанию постановления об объявлении амнистии – это федеральные законы, регулирующие наиболее важные и устойчивые отношения в

сфере государственного регулирования амнистии в соответствии с Конституцией РФ. По своему значению постановления об объявлении амнистии – нетипичные федеральные законы первичного характера, постановления о порядке применения амнистии – нетипичные федеральные законы вторичного характера по отношению к первым. По своим юридическим свойствам постановления об амнистии обладают высшей юридической силой. По особенностям правотворческой процедуры постановления об амнистии – нетипичные федеральные законы, принятые в особом порядке...» без возможности «... отклонения Президентом РФ на стадии его подписания». Можно согласиться с мнением Головастровой Ю. А., что акты амнистии порождают правоприменение и правоотношения, но особой сферы юрисдикции [15, с. 211], которая еще точно на политико-правовом уровне не определена. Нормы ст. 84 главы 13. «Амнистия, помилование, судимость» УК РФ приносят большую ясность в правовую природу данного института, но лишь в определенной мере. На примере института помилования его нормативность определяется Указами Президента России в соответствии с его Конституционными полномочиями и властной компетенцией. Мы полагаем, применение амнистии должно определяться Регламентом Государственной Думы по вопросам объявления и применения амнистии, разработанным и принятым ею. Это будет соответствовать духу Конституции Российской Федерации, отражать ее полномочия, компетенцию и одну из существенных ее прерогатив, усиливающих ее авторитет и связь с народом страны. Такое положение правотворчества Государственной Думы оправдано, а нормативность в сфере реализации специфических полномочий не уравнивает их решения с законами, как это существует в отношении правовой природы указов Президента Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит., 1991. 224 с.
2. Конституция РСФСР 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
3. П. «и» ст. 17 Конституции РСФСР 1925 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.
4. П. «э» ст. 19 Конституции РСФСР 1937 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f (дата обращения: 14.02.2020).
5. П. 18 ст. 109 Конституции РФ: принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
6. П. «п» ст. 1 гл. 1 разд. II Конституции СССР 1924 г. // Систематическое собрание действующих законов СССР. М., 1926. Кн. 1.
7. П. «ч» ст. 14 Конституции СССР 1936 г. // Советская Сибирь. 1936. № 283 (5143). 7 декабря.
8. П. 11 ст. 121 Конституции СССР: принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
9. Об амнистии от 6 ноября 1918 г. (первой в Советской России частичной амнистии): постановление VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов // Известия. 1918. № 244. 9 ноября.
10. Об освобождении из заключения некоторых категорий арестованных и осужденных: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета // Известия ВЦИК. 1919. № 88. 26 апреля.
11. Инструкция. О порядке применения частичной амнистии // Известия ВЦИК. 1919. № 94. 4 мая.
12. П. «ж» ст. 103 Конституции РФ 1993 г. (с поправками к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
13. Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции: указ Президиума Верховного Суда СССР от 4 ноября 1977 г. № 6500-IX. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=50696> (дата обращения: 14.02.2020).
14. О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции»: постановление Президиума Верховного Суда СССР от 04.11.1977 № 6501-IX // СПС «КонсультантПлюс».
15. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: МГУ, 2019. 615 с.
16. Залесны Я. Акты об амнистии в Польше XX в. // Юридическая гносеология. 2016. № 2. С. 57–68.

© Маликов Б. З.

УДК 343.140.028–028.26:343.362(470)

Р. Н. МИГРАНОВ, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

R. N. MIGRANOV, instructor of the Professional Training Chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 306 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE USE OF TECHNICAL MEANS IN THE PROCESS OF PROVING GUILT IN COMMITTING OF A CRIME UNDER ARTICLE 306 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматриваются актуальность привлечения к уголовной ответственности виновного лица за совершение преступления, предусмотренного статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, вопросы использования технических средств в доказывании вины лица в совершении вышеуказанного преступления, порядок сбора доказательств, предлагаются меры, направленные на совершенствование работы в органах внутренних дел для улучшения качества расследования и направления уголовных дел в суд по фактам поступивших заведомо ложных сообщений о преступлении.

Ключевые слова и словосочетания: вина, технические средства, умысел, заведомо ложный донос, обращение, обратившийся, информация, допрос подозреваемого, допрос свидетеля, экспертиза, «Фобос», видео-, аудиозаписи.

Annotation. The article discusses the relevance of the criminal responsibility of the perpetrator for committing a crime under Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation, the use of technical means in proving the guilt of the person of committing the above crime; rules of collecting evidence. The author suggests measures aimed at improving the work of the Internal Affairs agencies for development of the quality of investigation and sending criminal cases on false reports of crimes to the court.

Keywords and phrases: fault, technical means, intent, knowingly false report, appeal, applicant, information, interrogation of a suspect, interviewing of a witness, examination, «Phobos», video and audio recordings.

Для привлечения к уголовной ответственности любого человека необходимо доказать его виновность в совершении конкретного преступного деяния, в этом заключается актуальность рассматриваемой темы. Статьей 5 УК РФ предусмотрен принцип вины, и согласно части 1 данной статьи «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» [1, с. 8], то есть для

привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить и в ходе предварительного расследования в объеме, достаточном для направления дела в суд, доказать виновность конкретного лица в совершении конкретного преступления. Доказанность вины лица, подлежащего привлечению к ответственности, при расследовании преступлений имеет большое значение, так как без надлежащего сбора достаточных доказательств в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодатель-

ства перспективы предъявления обвинения и направления уголовного дела в суд не будет. Проводя исследование по данной теме, мы ставим цель провести анализ проблем использования технических средств, а также установить и разобрать возможности применения технических средств в целях доказывания вины лица, совершившего преступление, предусмотренное статьей 306 УК РФ.

Задачей нашего исследования считаем необходимость установить возможности применения технических средств, выработать конкретные предложения по их использованию в процессе доказывания вины лица, привлекаемого к ответственности. В уголовном праве вину понимают как «... психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его общественно опасным последствиям» [2, с. 90], то есть это личное субъективное отношение лица к совершаемым им преступным деяниям, его желание относительно наступивших последствий. Практикующие юристы под понятием вины также подразумевают установленную в ходе расследования объективными фактами причастность конкретного лица к совершению конкретного преступного деяния.

В процессе расследования уголовного дела по конкретному преступлению у лица, проводящего расследование, возникает множество трудностей, в том числе и в плане доказывания вины. Доказанность вины – это обязательное требование в ходе предварительного расследования, так как согласно пункту 2 части 1 статьи 73 УПК РФ «виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы» [3, с. 71] является обстоятельством, подлежащим доказыванию при производстве по уголовному делу.

Согласно статье 85 УПК РФ «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств...» [3, с. 82], под-

лежащих доказыванию в соответствии со статьей 73 УПК РФ. Тут необходимо отметить, что собирать, проверять и оценивать доказательства путем проведения определенных действий, могут только лица, уполномоченные на то уголовно-процессуальным законодательством. В случае сбора и предоставления доказательств иными лицами, круг которых предусмотрен статьей 86 УПК РФ, изъятие, осмотр, признание и приобщение вещественных доказательств к данной информации или носителю информации должно быть оформлено надлежащим образом. Доказывание необходимо рассматривать как специфический познавательный процесс уголовного судопроизводства, строго регламентированный законодательством, с определенным предметом познания, с установленными задачами и целями деятельности, который осуществляется лицами, определенными уголовно-процессуальным законодательством.

В научной сфере собирание доказательств определяется как «деятельность, подразумевающая отыскание, обнаружение, извлечение информации, которую в последующем можно использовать как доказательство по делу» [5, с. 107]. Сложности в сборе доказательств возникают в случаях, когда виновное лицо не признает свою вину и противодействует органам, проводящим предварительное расследование.

Сложности в доказывании вины возникают и при расследовании преступлений по фактам заведомо ложного доноса, предусмотренного статьей 306 УК РФ [6, с. 278], особенно в случаях, когда виновное лицо не признает свою вину и не способствует расследованию, не содействует установлению истины, а противодействует следствию, желая избежать ответственности.

Уголовное преследование за совершение заведомо ложного доноса должно быть на достаточно высоком уровне, так как имеет большую превентивную роль

в части предупреждения деяний, направленных на нарушение работы органов внутренних дел. Ведь согласно части 2 статьи 1 Федерального закона № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» «полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств» [7 с. 3]. Полиция обязана реагировать на любое поступившее сообщение о преступлении, так как на момент обращения не знает, совершено преступление фактически или поступило ложное сообщение, что приводит к отвлечению сотрудников внутренних дел от выполнения своих прямых обязательств и увеличивает и без того большую нагрузку на сотрудников. Одной из самых действенных мер для облегчения нагрузки на сотрудников, связанной с отвлечением на реагирование, рассмотрение и расследование ложных сообщений о преступлениях и уменьшением фактов обращения с заведомо ложными сообщениями о преступлениях, является более широкое привлечение на практике виновных лиц к уголовной ответственности по статье 306 УК РФ и доведение до сведения широкого круга населения о фактах привлечения к ответственности. Поступающие заведомо ложные доносы представляют общественную опасность и тем, что они могут нанести непоправимый вред иным гражданам, о виновности которых сообщает заявитель, и совершенно не виновное лицо может быть необоснованно привлечено к уголовной ответственности.

К сожалению, на практике ничтожно малы факты привлечения к уголовной ответственности по статье 306 УК РФ. Согласно данным МВД по Республике Башкортостан в 2019 году из общего количества возбужденных уголовных дел (74650) количество дел, возбужденных по статье 306 УК РФ, составило всего 52 дела, из них в суд направлено 39 дел. Проблема в данном случае кроется в трудностях, возникающих при доказыва-

нии вины лица, совершившего заведомо ложное сообщение, направленности его умысла и заведомой ложности сделанного им заявления. Субъективная сторона статьи 306 УК РФ характеризуется прямым умыслом, то есть «лицо осознает, что сообщает заведомо ложные сведения о совершении преступления, и желает этого, преследуя цель – привлечение конкретного лица к уголовной ответственности либо возбуждения уголовного дела» [8, с. 809].

Диспозицией статьи 306 УК РФ предусмотрена «заведомая ложность» [3, с. 278] сделанного сообщения, то есть лицо, обращающееся в правоохранительные органы на момент сообщения о совершенном или готовящемся преступлении должно доподлинно знать, что сообщенная им информация о «преступлении» и указанные им факты и обстоятельства не соответствуют действительности, а добросовестное заблуждение относительно правдивости сообщаемой информации не образует состава преступления. Для определения виновности лица, привлекаемого к ответственности по статье 306 УК РФ, необходимо собрать доказательства того, что на момент обращения в органы внутренних дел с сообщением, виновное лицо знало, что фактически преступление не совершалось и не может быть совершено.

Исходя из нашего практического опыта работы в следственных органах МВД России, можем сделать вывод, что в настоящее время следователи, доказывая наличие у подозреваемого прямого умысла на обман, используют факт его предупреждения об уголовной ответственности по статье 306 УК РФ при обращении в правоохранительные органы, в последующем проводя почерковедческие экспертизы, очные ставки. При проведении почерковедческой экспертизы часто возникает проблема в установлении факта однозначного исполнения подписи подозреваемым из-за малой ин-

формативности, содержащейся в одной лишь подписи. В целях устранения указанного недостатка нами в ранее написанной статье «Заведомо ложный донос, вопросы доказывания прямого умысла» предлагалось предусмотреть в бланке заявления исполнение самим заявителем «... не только подписи самого заявителя, но и собственноручно написанная расшифровка – фамилии и инициалов, еще лучше, если текст самого заявления ...» [8, с. 406]. В таком случае информативность рукописного текста для проведения почерковедческой экспертизы находилась бы в достаточном объеме, что позволило бы удостовериться о причастности лица к совершенному преступлению, в заключении сделать однозначный вывод.

Согласно части 1 статьи 74 УПК РФ «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения» [3, с. 72], добытые в соответствии с требованиями УПК РФ. Для сбора доказательств вины подозреваемого лица по уголовному делу разрешается применять все средства и способы, не запрещенные уголовно-процессуальным законом, при сборе которых не допущены нарушения или не возникли основания, предусмотренные статьей 75 УПК РФ. Информация, запечатленная техническими средствами, не выделена отдельным видом доказательств, как показания, заключения экспертов, протоколы следственных действий, а включена в категорию иных документов и согласно статье 84 УПК РФ «... материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации ...» [3, с. 81], в которых изложены сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, если они получены, истребованы или представлены в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, подлежит признанию и приобщению как вещественное доказательство.

Для сбора доказательств и фиксации информации, которая может быть ис-

пользована в последующем в качестве доказательств вины подозреваемого по уголовному делу, согласно части 3 статьи 11 Федерального закона № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» «полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации...» [9, с. 9]. При этом указанные технические средства должны отвечать требованиям Экспертно-криминалистического центра МВД России: требования относительно качества записей – пригодные для идентификации при проведении экспертиз, стандартизация и унификация оборудования. В своих исследованиях кандидат технических наук, доцент К. М. Бондарь и кандидат технических наук, доцент П. Б. Скрипко описали, что соответствие указанным требованиям записей «превращает камеры в реальные источники информации и предлагает законченный продукт для видеоанализа <...> «умная начинка» дает возможность распознавать человеческие лица <...> и анализировать поведение объектов» [10, с. 40].

Сбор доказательств, особенно для доказывания вины лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 306 УК РФ, начинается с момента поступления обращения гражданина в полицию, так как с самого начала общения с заявителем или изучения заявления, поступившего по электронной почте, сотрудник полиции начинает осмысливать и анализировать указанные в заявлении обстоятельства, а также одновременно проверять по учетам имеющихся баз данных наличие указанных в обращении граждан адресов и другие данные, то есть проверять объективность указанных фактов. При непосредственном обращении самого гражданина в полицию в ходе первичной беседы, последующего опроса и допроса сотрудник полиции, следователь выясняют причину и повод обращения, обстоятельства произошедшего, в том числе должны проверять соответствие действительности фактов,

указанных в обращении. И в дальнейшем в ходе расследования следователь, дознаватель обязаны всегда проверять на соответствие действительности заявления и сведения, полученные по уголовному делу.

В целях облегчения сбора доказательств, в случаях установления ложности поступившего заявления, для подтверждения факта предупреждения об уголовной ответственности, реального разъяснения положений статьи 306 УК РФ необходимо фиксировать момент принятия заявления от граждан видеосъемкой, особенно в случаях, когда сделанное заявление изначально вызывает сомнение. Для выполнения указанных действий нужно установить в помещении принятия обращений граждан камеры видеонаблюдения, поместив на видном месте предупреждающую вывеску о производстве ими записи. Также в последующем необходимо, соблюдая требования УПК РФ, провести изъятие записей указанных камер видеонаблюдения, осмотр, признание и приобщение вещественных доказательств. При возникновении сомнений, оспаривании подозреваемым факта предупреждения об ответственности за заведомо ложный донос, разъяснения положений статьи 306 УК РФ возможно проведение следующих экспертиз: портретная, фоноскопическая, экспертиза видеозаписей. При ознакомлении с результатами указанных экспертиз можно убедить лицо в совершении инкриминируемого ему преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ. В случае отрицания виновным лицом своей причастности суду будут представлены объективные доказательства, подтвержденные заключениями экспертиз.

Для проведения указанных экспертиз и решения вопроса об идентификации личности необходимо предоставить материалы, запечатлевшие лицо виновного с индивидуальными признаками. Получить такие записи возможно, применив

видеокамеру в ходе проведения допросов виновного лица, отразив применение технических средств в протоколе следственного действия.

При личном контакте сотрудника полиции и заявителя в момент его обращения имеется возможность предупредить последнего об уголовной ответственности по статье 306 УК РФ, однако при поступлении обращения по электронной почте такая возможность отсутствует. В этом случае необходимо использовать такое обязательное условие, как личная электронная подпись, а также ввести специально разработанный бланк заявления с обязательным для заполнения полем с разъяснением положений статьи 306 УК РФ и предупреждением об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, с условием того, что без ознакомления с данным полем и отметкой об ознакомлении заявление не будет отправляться. В таком случае это разъяснение и предупреждение также возможно использовать для доказательства вины – прямого умысла подозреваемого.

В случаях, когда при проверке будет установлено, что сообщение в поступившем по телефону обращении гражданина оказалось не соответствующим действительности, необходимо сразу же принять меры по сохранению и в последующем изъятию голосовой записи из системы «Фобос», установленной практически во всех дежурных частях органов внутренних дел. При этом в программе системы «Фобос» рекомендуется установить голосовое сообщение с разъяснением положений статьи 306 УК РФ и предупреждением об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и производство аудиозаписи, что запись производится «в целях улучшения качества обслуживания», которое будет озвучено автоматически до ответа на звонок и приема заявления вместо гудков вызова. Аналогичные сообщения делаются во многих компаниях и учреждениях. Данную запись в ходе расследования уголовного

дела по преступлению, предусмотренному статьей 306 УК РФ, необходимо изъять протоколом выемки с участием лица, ответственного за работу системы «Фобос». Изъятие записей системы «Фобос» производится посредством использования компьютерной техники для копирования и сохранения записей на внешнем носителе – устройстве, предназначенном для сохранения информации. В данном случае носитель информации будет являться приложением к протоколу следственного действия – выемки. После изъятия следователь, используя свою компьютерную технику, осматривает, признает и приобщает к делу в качестве вещественного доказательства внешний носитель информации с хранящейся на нем информацией.

При необходимости в случае отказа заявителя от факта обращения или от факта предупреждения об ответственности по статье 306 УК РФ с предоставлением изъятых из системы «Фобос» аудиозаписи возможно проведение фоноскопической экспертизы для идентификации голоса виновного лица. Систематизируя вышесказанное, можно сформулировать следующие обязательные условия, выполнение которых облегчит доказывание вины лица, осуществившего заведомо ложный донос:

1. Каждое лицо, сделавшее ложное сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, должно в обязательном порядке предупреждаться об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, предусмотренной статьей 306 УК РФ.

2. Факт предупреждения об ответственности за заведомо ложный донос

должен быть обязательно зафиксирован, в том числе с применением технических средств фиксации, в соответствии с требованиями и уголовно-процессуальным законодательством.

3. В целях подтверждения факта надлежащего предупреждения об уголовной ответственности и разъяснения положений статьи 306 УК РФ, необходимо шире использовать информацию, зафиксированную с применением технических средств, для производства соответствующих судебных экспертиз.

4. Необходимо улучшить оснащение органов внутренних дел техническими средствами, отвечающими криминалистическим требованиям.

Кроме того, для облегчения процесса доказывания вины лица, сделавшего заведомо ложное сообщение в органы внутренних дел РФ, необходимо: а) надлежащим образом оснащать органы внутренних дел техническими средствами видео-, аудиофиксации; б) предусмотреть в бланках заявлений и обращений, поступающих по электронной почте, обязательное для заполнения поле с разъяснением положений статьи 306 УК РФ и предупреждением об уголовной ответственности по указанной статье; в) применять результаты записей камер видеонаблюдения в качестве доказательств, в том числе при проведении экспертиз; г) признать и приобщать видеозаписи в качестве вещественных доказательств; д) шире применять записи системы «Фобос» в доказывании при расследовании преступления, предусмотренного статьей 306 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник. М.: Проспект, 2017. С. 583.
2. Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / 2-е изд. М.: Проспект, 2017. 624 с.

3. Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. 384 с.
4. Сыдоруков И. И., Ендольцева А. В. Уголовный процесс: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И. И. Сыдорука, А. В. Ендольцевой. 5-ое изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 447 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2019. 336 с.
6. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. М.: Проспект, 2020. 48 с.
7. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктрин. Толкование / под ред. Г. М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1024 с.
8. Мигранов Р. Н. Заведомо ложный донос, вопросы доказывания прямого умысла // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2019 года); под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия СК РФ, 2019. С. 405–407
9. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. М.: Проспект, 2020. 48 с.
10. Применение современных инфокоммуникационных технологий в управленческой деятельности подразделений органов внутренних дел: учебно-практическое пособие / К. М. Бондарь [и др.]. М.: ДГСК МВД России, 2018. 192 с.

© Мигранов Р. Н.

УДК 343.93.01

А. С. НИКОЛАЕВ, заместитель начальника кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

A. S. NIKOLAEV, deputy head of the Special Training Chair of Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ КРИМИНОЛОГИИ И АКТУАЛЬНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕЕ МЕТОДИК В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

REGULARITIES OF FORMING OF THE ANTHROPOLOGICAL SCHOOL OF CRIMINOLOGY AND RELEVANCE OF ITS METHODS IN MODERN SCIENCE

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития и применения антропологической школы криминологии. Автор рассматривает отдельные ретроспективные положения данной школы, а также сопоставляет их с наиболее актуальными и современными работами в области антропологии, биологии, медицины.

Ключевые слова и словосочетания: антропологическая школа криминологии, медицина, биология, судебная психология, физиогномика, Чезаре Ломброзо.

Annotation. The article discusses main trends in the development and application of the anthropological school of criminology. The author considers individual retrospective provisions of this school, and also compares them with the most relevant and modern developments in the field of anthropology, biology, medicine.

Keywords and phrases: the anthropological school of criminology, medicine, biology, forensic psychology, physiognomy, Cesare Lombroso.

На сегодняшний день криминальная антропология не теряет свою актуальность ввиду состояния преступности. В частности, за 2019 год на территории Российской Федерации было совершено 2024337 преступлений, что на 1,6 % больше показателей 2018 года. За январь 2020 года уже было совершено 159172 преступления, что на 2,9 % больше показателя января 2019 года [1].

Очень важно при росте преступности понимать личность преступника, его явную и скрытую мотивацию, предсказывать его поведение, что возможно сделать с помощью инструментов криминальной антропологии. Именно поэтому целью данного исследования является ретроспективный анализ теорий криминальной антропологии, а также исследование наиболее современных методик в области антропологии, биологии, медицины, применяемых для получения сведений о личности преступника. Методологической основой исследования явились общие и частные научные методы познания объективной действительности. В работе использованы сравнительно-правовой, статистический и исторический методы исследования.

Криминологические школы и течения возникли в Европе примерно на рубеже последней четверти XIX в. Однако, по мнению некоторых авторов, направления осмысления детерминант преступности нужно искать уже в конце XVIII в., когда исследователи и практики пытались «вычлениить» причины преступления, определить «преступное поведение».

Позитивистская криминология [2, с. 102] включала в себя различные потоки мысли, которые сформировались еще в середине XIX в. и включали в себя френологию, физиогномику, статистику, эволюционные теории Дарвина и Спенсера и позитивистское убеждение, что право может объяснить социальные явления. Позитивисты, помимо законов, активно исследовали государственные отчеты и

статистику о преступниках и тюрьмах. В результате уже в этот период криминология предлагала не только новые интерпретации преступлений и личности преступников, но и научные решения различных социальных проблем. Постепенно сформировался не только новый взгляд на преступника, но и новый взгляд на общество в целом, были выявлены некоторые закономерности.

Рождение позитивистской криминологии обычно связано с публикацией в 1876 году итальянского врача-психиатра Чезаре Ломброзо труда «Преступный человек» [3]. В своем знаменитом трактате Ломброзо утверждал, что есть люди, чья склонность к преступности является врожденной или унаследованной, таким образом, они были «рождены преступниками». Он также полагал, что возможно идентифицировать потенциальных преступников, наблюдая некоторые из их физических характеристик (то, что Ломброзо назвал «стигматами»).

Ломброзо рассматривал преступников как регресс к более несовершенным этапам эволюции человека, что привело к его концептуальной идентификации преступников с отдельными, по его мнению, «примитивными» народами и расовыми группами. Теория «прирожденного преступника» Ломброзо стала центром серьезных дебатов. В результате Габриэль Тард и Александр Лакассань, которые отвергли идею природного преступника, подчеркнули социальную природу преступления. Обе «школы» противостояли друг другу на серии международных конференций, и эти дебаты были воспроизведены в других странах мира, что ознаменовало существование антропологической и социологической школ криминологии (уголовного права) [4, с. 100].

Постепенно многие ученые приняли идею о том, что органическая или биологическая конституция субъекта влияла на его духовное и моральное состояние, однако также особое внимание

стоит уделять «социальным» факторам преступности.

Самыми важными аспектами антропологической школы права в XX в. было:

- внимание к биологии, антропологии и наследственности;
- необходимость индивидуального подхода к преступнику;
- выявление соотношения между преступностью и такими заболеваниями, как эпилепсия или психические отклонения.

Таким образом, антропологическая школа криминологии делала акцент на том, что необходимо сосредоточиться на преступнике (на его организме, на его психике, на особенностях его поведения), а не на абстрактном понятии «преступность». В результате этой «фокусировки» на преступнике теория быстро завоевала популярность не только в академических кругах, но и в политической и общественной жизни и стала источником информации о различных стратегиях и идеологиях в XX в. Она заложила основу для политизированной евгеники и широко применялась в различных, иногда очень спорных политических течениях.

В Дании эта точка зрения, например, была центральной в проекте «социальной реформы», осуществленной датским государством в 1933 году. Это была реформа, направленная на создание Государства всеобщего благосостояния, содержала право стерилизовать «умственно отсталых людей» как способ поддержания физически и морально «здорового» населения. Эти нормативные положения официально не были отменены до 1975 года, и они были обоснованы именно с точки зрения предупреждения преступности. Также происходило в Германии во время Третьего рейха, где было убито 250000 умственно отсталых немцев. Таким образом, в случае с Данией и Германией явно прослеживается связь между антропологическими характеристиками и преступностью в политическом и идеологическом ракурсе.

Такая политизация теории Ломброзо и иных последователей антропологической школы криминологии привела к некоторому негативному восприятию школы, поскольку идея физиологического недостатка в человеческой расе часто ассоциировалась с планами по устранению таких недостатков. Особенно негативно воспринимались такие идеи в свете развития института прав человека, борьбы с дискриминацией по различным признакам. Однако, несмотря на общее неприятие теорий Ломброзо, антропологическая криминология все еще находит свое место в современном криминальном профилировании.

Криминальная антропология и тесно связанное с ней изучение физиогномики на сегодняшний день нашли свое отражение в исследованиях социальной психологии и судебной психологии. Теории Ломброзо также очень существенно переплетаются с рядом научных исследований. Самый яркий пример – это электродермальная активность (далее – ЭДА), которая представляет собой свойство организма человека, вызывающее постоянное изменение электрических характеристик кожи.

Традиционная теория ЭДА гласит, что сопротивление кожи зависит от состояния потовых желез в коже. Выделение пота контролируется симпатической нервной системой, а кожная проводимость является признаком психологического или физиологического возбуждения [5, с. 13]. Если симпатическая ветвь вегетативной нервной системы сильно возбуждена, то активность потовых желез также увеличивается, что, в свою очередь, увеличивает проводимость кожи. Таким образом, проводимость кожи может быть мерой эмоциональных и симпатических реакций, что может быть активно использовано в криминологии и в уголовном праве для выявления лица, совершившего преступление, либо для выявления лица, потенциально способного на совершение конкретного преступления.

О перспективности использования теории ЭДА говорит наличие высокой инновационной активности вокруг этого метода. В частности, в рамках анализа опыта применения теории ЭДА была отмечена актуальность данной теории в областях, связанных с установлением психических расстройств, особенностей психологического состояния индивида, о чем говорит действие ряда патентов на изобретения [6].

Современная технология распознавания лиц, которая была внедрена в деятельность криминалистов в начале XXI в., вновь создала актуальность «криминального типа» Ломброзо. В 2016 г. два исследователя из Шанхайского университета Цзяо Тонг в Китае опубликовали статью, в которой утверждается, что исследование лиц (основных морфологических характеристик) с использованием технологии распознавания лиц может быть использовано для выявления особенностей, которые соответствуют преступному типу человека [7].

Несмотря на то, что такая технология уже активно используется право-

охранительными органами отдельных государств, существует риск неправильного истолкования результатов распознавания. Иными словами, невозможно определить чью-либо общую личность или поведение по фотографии лица. По мнению некоторых исследователей, которые работали с системой распознавания лиц напрямую, можно определить, что человек недосыпает из-за бледной кожи и из-за темных кругов под глазами, и это можно использовать для того, чтобы не допускать таких лиц к работам, требующим бдительности, например, к работам с опасными механизмами. Это может предотвратить многие несчастные случаи. Однако использование технологии распознавания лиц для суждения о том, каков человек в целом, неправильно и ненаучно. Здесь также необходим обязательный совокупный анализ как социологической, так и иных составляющих.

Таким образом, на данный момент можно говорить об актуальности положений антропологической школы криминологии, а также о ее активном использовании в ряде смежных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 03.02.2020).
2. Гуринская А. Л. Позитивистская традиция и критическое направление в криминологической мысли США и Великобритании: сравнение теоретических подходов // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2010. С. 101–114.
3. Ламброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо; МИДГАРД. 2005. 876 с.
4. Лоба В. Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2010. № 4. С. 100–107.
5. Зайцев А. Ю., Светлов В. А., Козлов С. П., Марков А. М., Микаелян К. П. Кожно-гальваническая реакция – новые горизонты // Проблема безопасности в анестезиологии: материалы III Международной конференции. М., 2009. С. 13–15.
6. Патент на изобретение № 2455930 от 20.07.2012 «Способ дифференциальной диагностики психических расстройств эндогенного, экзогенного и психогенного происхождения на основе регистрации электродермальной активности»; Патент на изобретение № 2713942 от 11.02.2020 «Способ мониторинга состояния пациента»; Патент на изобретение № 2622607 от 16.06.2017 «Способ мониторинга уровня стресса у пациента» // Открытые данные Федерального института промышленной собственности. URL: <http://allpatents.ru/patent/2455930.html> (дата обращения: 03.02.2020).

7. Revell T. Concerns as face recognition tech used to 'identify' criminals // New Scientist. 2016.
URL: <https://www.newscientist.com/article/2114900-concerns-as-face-recognition-tech-used-to-identify-criminals/> (дата обращения: 03.02.2020).

© Николаев А. С.

УДК 343.985:343.85(470)

О. Е. ПОЛИТЫКО, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

О. Е. POLITIKO, senior lecturer of the Department of criminal procedure Ural law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)

А. А. ЖИЖИЛЕВА, слушатель 5-го курса Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

А. А. ZHIZHILEVA, 5th year student of the Ural law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVING THE PREVENTIVE ACTIVITIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем деятельности органов предварительного следствия в контексте криминалистической направленности. Недостаточная развитость профилактики оставляет пробел не только в теоретическом контексте, но и негативно влияет на показатели раскрываемости преступлений в правоохранительных органах. Авторами определены основные методы и средства профилактической деятельности. Проведено обоснование необходимости усовершенствования законодательства в сфере профилактики преступлений сотрудниками органов предварительного следствия.

Ключевые слова и словосочетания: раскрытие, расследование преступлений, представление, криминалистика, органы предварительного следствия, профилактическая деятельность.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problems of the activities of preliminary investigation bodies in the context of the forensic orientation. The insufficient development of prevention leaves a gap not only in a theoretical context, but also negatively affects the indicators of crime detection in law enforcement agencies. The authors identified the main methods and means of preventive activity. The justification of the need to improve legislation in the field of crime prevention by employees of the preliminary investigation has been carried out.

Keywords and phrases: disclosure, investigation of crimes, representation, criminalistics, preliminary investigation bodies, preventive activities.

Динамика роста преступности в современном обществе усугубляется под влиянием социально-экономической напряженности, проявлением проблем, связанных с социально-политическими институтами общества в сфере предмета обсуждения высших органов исполнительной власти (состояние экономики в стране, влияние внешнеполитического фактора, цифровизация общественных отношений). Зачастую подобного рода деятельность первоначально ориентирована на реформирование деятельности правоохранительных органов, следственных подразделений. Вышесказанное обуславливается возрастанием значимости роли взаимосвязи уголовно-процессуального права с криминалистикой в аспекте модернизации функциональной роли органов предварительного следствия.

Криминалистику принято считать сравнительно молодой юридической наукой, её появление связано со второй половиной XIX века. Следует отметить, что в тот период времени криминалистика признавалась фундаментальной наукой в сфере раскрытия и расследования преступлений. В. Я. Колдин отмечал, что криминалистика, в большей степени, прикладная наука, ввиду того что принципиальной деятельностью в рамках разрешения криминалистических задач она выделяет именно роль науки и техники посредством использования их элементов в борьбе с преступным миром [1, с. 125].

Криминалистику рассматривают как разновидность наук уголовно-правового цикла, вследствие чего она обеспечивает функциональную основу научности разработок в части поисково-познавательной информации, исследовательской деятельности в процессе расследования преступлений, при этом применяются методы криминалистической техники и методики. В целях успешного совершенствования деятельности органов предварительного следствия важно определить принципы, на основе которых строится

функциональная основа взаимодействия различных подразделений органов внутренних дел, а также важен аспект законного применения норм действующего законодательства в профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов:

- принцип правомерности;
- принцип компетентности уполномоченного субъекта;
- принцип безопасности;
- принцип соблюдения прав личности;
- принцип научной состоятельности;
- принцип сохранности источников информации;
- принцип обязательной фиксации (документальное оформление) и др.

Основная проблематика правоохранительных органов состоит в том, что на сегодняшний день нет четкой организованной функционирующей системы профилактической деятельности, ввиду чего не представляется возможным выявлять, предотвращать, качественно раскрывать и расследовать большую часть преступлений. Сам по себе процесс противодействия преступности всецело основан на оперативном расследовании и раскрытии преступлений, нацелен на выявление и привлечение к ответственности виновных лиц, применение к ним профилактических мер воздействия. На сегодняшний день весьма плачевная ситуация с системой профилактики преступлений, вследствие чего требуется незамедлительная теоретико-методическая корректировка.

Процесс профилактики преступлений представляет собой нейтрализацию и устранение всевозможных причин и условий, сопутствующих реализации преступной деятельности. Превалирующая роль в данном аспекте отведена следственным органам. Следовательно как субъект профилактики преступлений обязан принимать решения, которые будут являться связующим звеном между производством процессуальных дей-

ствий и возможностью их технологического осуществления.

Уголовный кодекс РФ закрепляет возможность проведения профилактических мероприятий посредством применения к лицу наказания за совершенное преступление, а так же ст. 43 УК РФ содержит понимание «общей превенции», которая распространяет свое действие на субъекты, ранее не причастные к совершению уголовно или административно наказуемых деяний. Правоприменители сталкиваются с выбором решений, от которых зависит дальнейший процесс расследования преступлений:

- информационные решения (установление обстоятельств в проблемных ситуациях: следственные версии, разновидности криминалистических ситуаций);
- организационные решения (процесс организации взаимодействия между участниками процесса);
- управленческие решения (составление плана деятельности, контроль за исполнением вынесенных поручений);
- плановые решения (перечень проводимых следственных действий, сроки выполнения отдельных следственных действий и т. д.);
- тактические решения (преодоление конфликтной ситуации, проведение оперативно-розыскных мероприятий и т. д.) [2, с. 54].

В УПК РФ также закреплены нормы, которые нацелены на выявление причин, способствовавших совершению преступлений, и принятие мер по их устранению. Предупреждение преступлений и правонарушений является одним из приоритетных направлений правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью и входит в число основных задач органов предварительного следствия в системе МВД России. Профилактическая деятельность правоохранительных органов направлена на:

- предупреждение совершения подназдорными лицами повторных преступлений;

- комплексное взаимодействие органов внутренних дел с заинтересованными органами власти, местного самоуправления, общественными формированиями и межведомственными комиссиями по устранению причин и условий, способствующих совершению уличных преступлений, преступлений, совершенных против несовершеннолетних, а также с их участием и вовлечением в преступную деятельность;

- настойчивое проведение индивидуальной профилактики;

- разъяснение норм безопасности жизнедеятельности несовершеннолетним, способов защиты и реагирования на жестокое обращение;

- выявление на ранней стадии семейного неблагополучия и проведение профилактической работы с законными представителями несовершеннолетних, отрицательно влияющих на их поведение;

- обязательное информирование заинтересованных органов и учреждений о безнадзорности и правонарушениях со стороны несовершеннолетних и причинах, их обусловивших;

- организация взаимодействия с судами, органами прокуратуры и иными правоохранительными органами по вопросам безопасности лиц, подлежащих государственной защите, и осуществление мер, направленных на достижение целей правосудия, соблюдение законных прав граждан.

Субъектом профилактики преступления по уголовному делу, в первую очередь, является следователь. Это обусловлено тем, что именно указанное должностное лицо раньше всех выезжает на место преступления, владеет большей информацией о личности преступника и всех обстоятельствах совершенного уголовно-наказуемого деяния. Кроме того, положение ч. 2 ст. 73 УПК РФ установление условий, влияющих на совершение преступления, включает в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу.

В ходе предварительного расследования в форме следствия профилактическую деятельность следователь осуществляет как процессуальными, так и непроцессуальными средствами. К процессуальной форме предупреждения преступлений можно отнести проведение следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, которые способствовали совершению уголовно-наказуемого деяния, и внесение должностному лицу, организации представления об их устранении. Зачастую данный вид деятельности реализуется следователем на заключительном этапе расследования по уголовному делу.

В практической деятельности следователи вносят представления почти по каждому уголовному делу, в том числе и по тем, по которым предварительное расследование в форме следствия приостановлено по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Согласно статистическим данным по неочевидным преступлениям вносится около 20 % от общего числа внесенных представлений [3].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что представления, как правило, вносятся в рамках расследования очевидных преступлений, а причины и условия, повлекшие преступления, совершенные в условиях неочевидности, не всегда устанавливаются, меры по их устранению не принимаются.

Следует отметить, что порядок внесения и рассмотрения указанного процессуального документа уголовно-процессуальным законодательством не установлен. Правоприменители в данной ситуации регламентируются иными нормативными актами, в том числе требованиями Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ [4], приказа МВД России от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» [5].

Мы считаем, что работа, которую проводят следственные органы, имеет свои положительные результаты. Но нельзя обойти вниманием тот факт, что в УПК РФ не достаточно регламентирован порядок направления и разрешения представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или иных нарушений закона. Кроме того, отсутствует надлежащая нормативная правовая регламентация профилактической работы следователей по уголовному делу.

В соответствии с положением ч. 2 ст. 158 УПК РФ указанное представление вносится на этапе окончания предварительного следствия. Должностному лицу предоставляется срок рассмотрения указанного процессуального акта до одного месяца с обязательным уведомлением о тех мерах, которые были им приняты. При этом законодателем не предусмотрен порядок реагирования следователя в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должностным лицом внесенного представления. Также не закреплено, как поступить следователю, если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, либо оно скрылось, и необходимо приостановить следствие, а также в случае длительного срока расследования уголовного дела. Ведь нарушения, которые так или иначе создали почву для совершения преступления, устанавливаются следователем уже на первоначальном этапе расследования, а окончательное решение по делу будет принято по истечении длительного срока, который может наступить через несколько лет с момента возбуждения уголовного дела. Поэтому мы считаем, что данные пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве требуют незамедлительного разрешения.

Профилактические мероприятия начинаются уже на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении. В своей деятельности следователем используются как процессуальные, так и

криминалистические приемы и методы, направленные на пресечение противоправных действий. Одной из форм воспитательного воздействия, применяемой к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, является применение принудительных мер воспитательного воздействия.

Криминалистические средства профилактики преступления, которые применяет должностное лицо в своей деятельности, можно разграничить на две группы:

1. Действия, которые проводятся непосредственно следователем (дознавателем) лично. К ним можно отнести: процессуальные действия, в ходе которых оказывается воспитательно-психологическое воздействие на конкретных лиц; розыскные мероприятия, криминалистические операции профилактической направленности.

2. Мероприятия, осуществляемые другими государственными органами, организациями, производственными предприятиями, иными учреждениями на основании поручения органов предварительного расследования. Это меры оперативно-розыскного, технико-организационного, технического, управленческо-организационного характера, которые проводятся органами дознания, управления и производства по поручению следователя (дознавателя) [6, с. 18].

Примером может служить практика взаимодействия органов, осуществляющих предварительное следствие, с инспекторами по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) и Территориальными комиссиями ПДН и защите их прав по применению положений ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ о привлечении к административной ответственности родителей несовершеннолетних, не выполняющих обязанностей по содержанию и воспитанию детей.

В криминалистике к методам и средствам реализации профилактических мероприятий также относят:

– первоисточники, которые обеспечивают получение информации о спланированных, готовящихся преступлениях;

– личность преступника;

– средства и методы, посредством которых происходит выявление и дальнейшее устранение причин и условий совершения преступлений [7, с. 32].

Тесная связь уголовного процесса с криминалистикой позволяет решить основные задачи профилактической деятельности следователя при производстве отдельных следственных действий. В ходе расследования уголовного дела с учетом криминологической и криминалистической характеристики следователь самостоятелен в выборе приемов и методов, необходимых для выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений, поскольку без учета особенностей совершенного уголовно-наказуемого деяния все мероприятия, которые осуществляет следователь, становится мало эффективными.

В связи с вышесказанным логично отметить, что необходимо научно определить понятие криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов, поскольку данное понятие двухгранное, т. е. требует не только теоретической интерпретации, но и определения его организационного, прикладного направления (в контексте практической направленности).

Следователь как основной субъект, участвующий в раскрытии и расследовании преступлений, должен обладать надлежащим уровнем профессиональной подготовки (знаниями), которая выступает формирующим и важнейшим звеном его профессиональной подготовленности. Рассмотренный правовой институт криминалистической профилактики совершения преступлений сложился и является неотъемлемой составной частью криминалистической науки во взаимосвязи с правоохранительной деятельностью, что, безусловно, определяет значимость теоретического и практического

освещения данной проблематики. Должностное лицо органов следствия в своей деятельности может не только установить причины, которые непосредственно оказали влияние на совершение престу-

пления, но также и недочеты в организации работы учреждений, должностных лиц и т. д. Поэтому профилактическая работа следователя является важнейшим звеном общей борьбы с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминалистика: информационные технологии доказывания: учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. М.: Зерцало, 2007. 750 с.
2. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2012. 748 с.
3. Статистика и аналитика. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (дата обращения: 20.02.2020).
4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2020).
5. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17.01.2006 № 19. URL: <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 20.02.2020).
6. Данилова С. И. Профилактика преступлений дознавателем органов внутренних дел // Государство и право. 2016. № 10. С. 16–34.
7. Зудин Ф. В. Криминалистическая профилактика преступлений (концепции, принципы, средства реализации): учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995. 128 с.

© Политыко О. Е.
© Жижилева А. А.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ПРАВО: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

Редакционная коллегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие наиболее важные проблемы права и государства в современном и историко-правовом ракурсе, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности Российской Федерации и зарубежных стран, тенденции развития и совершенствования высшего юридического образования в образовательных организациях МВД России, особенности интеграции юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства.

Группы научных специальностей, по которым могут публиковаться материалы:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатаются прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научном журнале «Право: ретроспектива и перспектива» Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____ Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет. Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций. Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**